

КЭТРИН ЭДДИСОН

ИМПЕРАТОР-ГОБЛИН

Кэтрин Эддисон

Император-гоблин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67962144

Император-гоблин:

Аннотация

Всю свою жизнь Майя, младший сын императора, наполовину гоблин, провел в изгнании, вдали от дворцовых интриг. Однако когда его отец и братья погибают, ему приходится занять их место. Он единственный законный наследник. Майя становится императором гоблинов. При дворе у него нет ни друзей, ни советников, а тот, кто убил отца и братьев, в любой момент может напасть и на него. Юный император отчаянно хочет обрести друга... или возлюбленную, но никому не может доверять, ведь малейшая ошибка приведет к тому, что он потеряет трон или жизнь.

Содержание

Из «Путеводителя по эльфийским землям»	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	69
Глава 5	80
Часть вторая	94
Глава 6	94
Глава 7	115
Глава 8	123
Глава 9	144
Глава 10	161
Глава 11	171
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Кэтрин Эддисон

Император-гоблин

Copyright © 2014 by Katherine Addison

© О. Ратникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Посвящается моим родителям, Кэтрин
и>Addисону*

Из «Путеводителя по эльфийским землям»

(опубликовано издательским домом «Кривая Лестница» по заказу Королевской торговой гильдии Пенчарна)

ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ

В языке эльфов (этувераджин) нет непроезжих гласных и согласных. Удвоенная гласная обозначает долгий звук. Однако если перед второй буквой имеется диакритический знак «'» (как, например, в названии крупнейшей реки страны, Истанда'арта), две гласные следует произносить раздельно.

В эльфийских словах встречаются следующие сочетания гласных, которые читаются так же, как пишутся: «ай», «ей», «эй». Буква «и» в конце слова (в основном, в названиях населенных пунктов и архаизмах) читается как долгое «и».

В эльфийском языке есть ряд придыхательных согласных звуков: «ч», «х», «кх». Последний звук характерен для языка этувераджин, а также родственного ему языка бариджин, и сходен по звучанию с гортанным кашлем. Иностранцу лучше не пытаться воспроизводить эти согласные до тех пор, пока он не достигнет определенного уровня владения языком.

С произношением согласных «т» и «ш» трудностей возникнуть не должно. Сочетание «дж» произносится приглушенно и мягко; слова с ним редко можно услышать за пределами Этувераза и земель гоблинов.

Согласный «к» всегда является твердым (эльфы, живущие у границы с Бариджаном, даже позаимствовали другую букву из языка гоблинов для обозначения мягкого «к»). Пара согласных «кс» читается как слитное сочетание твердых звуков «к» и «с».

Апостроф «'» до или после согласной обозначает пропущенный звук или слог и не влияет на произношение.

Если не считать вышеописанных особенностей, эльфийский язык весьма прост.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Личные имена имеют маркеры, обозначающие пол носителя.

Мужские имена заканчиваются на «а» («я»), «ис» и «ет». Примером могут служить имена персонажей популярного народного сказания – Вана, Ванис и Ванет. По легенде, только Ванет, самый младший и самый слабый из трех братьев, сумел поднять меч Картейо с наковальни огра.

Женские имена заканчиваются на «о» и «ан». Окончание «у» встречается как в мужских, так и в женских именах.

Родовые имена в культуре эльфов имеют огромное значение. Путешественник должен помнить, что каждое родовое имя содержит корень, к которому добавляются различные суффиксы в зависимости от пола и семейного положения носителя имени. Для мужчин это суффикс «ар», для замужних женщин – «аран», для незамужних – «ин». Суффикс «ада» означает «много» и используется в случаях, когда говорят о семье (или, по-эльфийски, «доме») как о целом.

В именах простолюдинов, живущих на юге, у границы со страной гоблинов, до сих пор встречаются суффиксы «а», «о» и «ет» («эт»), а родовые имена пастухов с западных равнин заканчиваются суффиксами «эдж», «эджо» и «эджен» («едж», «еджо», «еджен»).

Географические названия также имеют маркеры рода. Следует отметить, что города и реки страны эльфов названы в честь духов-покровителей, поэтому названия городов всегда женского рода, а названия рек – мужского. Настоятельно советуем иностранцу не повторять непристойных стишков, популярных среди простолюдинов, в которых фигурирует река Истанда’арта и город Кайрадо.

Суффикс «и» означает «поселение», суффикс «ан» – «место собраний». Корень «тэйлейан» («зал») встречается в названиях правительственных учреждений или судебных органов. В слове «Унтэйлейан» (тронный зал императора) имеется архаический префикс, значение которого в настоящее время утрачено. Часть филологов считает, что он происхо-

дит от слова «мудрость», в то время как другие связывают его со словом «центр».

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ

Эльфы чрезвычайно педантичны и щепетильны, поэтому даже в повседневном общении они строго соблюдают целый ряд правил. Советуем путешественникам проявлять максимальную вежливость. Никогда не обращайтесь к эльфу с неформальным «ты», даже если вы разговариваете с простолюдином, горничной или прислугой в трактире. Иностранцу могут извинить излишнюю формальность в обращении, но бесцеремонность считается непростительной.

Эльфийские формы обращения весьма сложны и требуют предварительного изучения. В обращении к детям до тринадцати лет употребляется слово «мичен» («малыш»). Несмотря на то, что совершеннолетие в Этуверазе официально наступает в шестнадцать лет, на детей старше тринадцати смотрят почти как на взрослых; соответственно, к ним следует обращаться более формально.

К мужчине обращаются «мер», к замужней женщине – «меррем», к незамужней – «мин» (отметим, что замужние дамы носят на правой руке железное кольцо, надеваемое во время брачной церемонии). Даже самый бедный барон требует, чтобы к нему обращались «осмер», к его жене – «осмеррем», к дочери – «осмин». Титулы эльфов, занима-

ющих высокое общественное положение (кстати, путешественник может не беспокоиться, при встрече он сразу же поймет, кто перед ним), имеют префикс «дач» (сокращенное от «дачем», «величайший»), который ставится перед префиксом «ос» («благородный», «достопочтенный»). Таким образом, к знатым людям обращаются: «дач’осмер», «дач’осмеррем», «дач’осмин». В беседе с императором употребляется исключительно титул «ваша светлость».

Гильдии ремесленников Эльфийских Земель имеют собственную иерархию и титулы, в которые иностранцу нет нужды вникать. К представителям класса ремесленников допустимо обращаться «мер», «меррем», «мин».

ИМПЕРАТОРЫ

Династия Драдж правит Эльфийскими Землями более тысячи лет, хотя следует отметить, что непрерывность рода является в некотором смысле фикцией. Время от времени правящий император, не имеющий прямых потомков мужского пола, избирает наследника из другой аристократической семьи. После коронации наследник принимает новое имя; это архаичные, очень длинные и трудные для произношения имена, и их используют исключительно представители аристократии. Они имеют особый «императорский» префикс. До объединения восточной и западной частей страны эльфов Эдревениваром, которого обычно называют Завое-

вателем, имена императоров имели префикс «Бел». После Эдревенивара, несмотря на то, что никто больше не носил этого имени, в его честь начали использовать императорский префикс «Эдре». Варенечибель Первый выбрал себе имя с префиксом «Варе»; простые люди сочли это оскорблением памяти его предков и, следовательно, дурным предзнаменованием.

Часть первая

Крушение «Мудрости Чохаро»

Глава 1

Новость приходит в Эдономи

Майя проснулся от того, что ледяные пальцы опекуна больно впились ему в плечо.

– Кузен? Что слу... – Он сел в постели, протирая глаза. – Который час?

– Вставай! – рывкнул Сетерис. – Пошевеливайся!

Майя едва проснулся, но покорно отбросил одеяло и неловко сполз с кровати, путаясь в простынях.

– Что происходит? Пожар?

– Одевайся. – Сетерис сунул ему вчерашнюю одежду. Майя, возившийся с тесемками ночной рубахи, не смог удержать ее, и Сетерис с раздраженным шипением наклонился, чтобы собрать вещи с пола. – Посланник из столицы. *Вот что* происходит.

– Письмо от отца?

– Ты что, оглох? Я же сказал, посланник из столицы. Милосердные боги и богини, парень, ты *совсем ничего* не можешь сделать без няньки? Вот, держи!

Сетерис сдернул с Майи рубаху, не потрудившись развязать тесемок у ворота, и едва не оторвал ему уши. Швырнул на кровать скомканную одежду. Майя торопливо натянул белье, штаны, рубаху и куртку. Все это было несвежим и давно нуждалось в стирке, но он промолчал, не желая окончательно разозлить кузена. Сетерис, прижав уши к голове, угрюмо наблюдал за сборами при тусклом свете свечи. Майя никак не мог найти чулки, но Сетерис не дал ему времени на поиски. Как только Майя застегнул куртку, опекун велел ему выходить, и Майя поплелся в коридор босиком. Здесь было светлее, и он увидел, что Сетерис полностью одет, а его лицо покрыто красными пятнами. Значит, императорский посланник не поднял кузена с постели – он просто еще не ложился. Майя в тревоге взмолился про себя о том, чтобы Сетерис хоть немного протрезвел после выпитого метеглина и вспомнил о своих безупречных придворных манерах.

Майя провел рукой по безнадежно спутанным густым волнистым волосам. Конечно, уже не в первый раз посланец императора застанет его неопрятным и растрепанным, похожим на отродье старьевщика. Но Майя все равно расстроился. Ему представилось, как отец расспрашивает придворного: «Итак, расскажите нам, как выглядел наш сын?». Но он напомнил себе о том, что отца едва ли интересует его внешность и благополучие, гордо поднял голову и уши и вошел вслед за Сетерисом в крошечную убогую приемную.

Посланник оказался совсем молодым, возможно, лишь на

год старше самого Майи, но даже в пыльной дорожной одежде он выглядел элегантно, как настоящий аристократ. Естественно, в отличие от Майи, он был чистокровным эльфом: у него были белоснежные волосы и глаза цвета дождя. Переведя взгляд с Сетериса на Майю, посланник заговорил:

– Вы эрцгерцог Майя Драджар, единственный ребенок Варенечибея Четвертого и Ченело Драджаран?

– Да... – в недоумении пробормотал Майя.

А потом недоумение сменилось шоком. Посланец распростерся на старом ковре у ног Майи, умудряясь, однако, при этом не терять достоинства.

– Ваша светлость император, – произнес он.

– Вставай, приятель, хватить молоть чушь! – вмешался Сетерис. – Мы уже поняли, что у тебя письмо от отца эрцгерцога.

– Вы ошибаетесь, – ответил посланник, по-кошачьи ловко вскочив на ноги. – Мы принесли известия от Унтэйлейанского Двора.

Желая предотвратить спор, Майя быстро сказал:

– Прошу вас, объясните.

– Ваша светлость, – почтительно начал посланник, – вчера между восходом солнца и полуднем потерпел крушение воздушный корабль «Мудрость Чохаро». На борту находились император Варенечибель Четвертый, принц Немолис, эрцгерцог Наджира и эрцгерцог Кирис. Они возвращались со свадьбы правителя княжества Ту-Атамар.

– И «Мудрость Чохаро» разбилась, – очень медленно проговорил Майя.

– Да, ваша светлость, – подтвердил посланец. – Погибли все пассажиры и члены экипажа.

Несколько секунд Майя слышал только биение собственного сердца. Слова молодого придворного не имели смысла. Ничто не имело смысла. В тот момент, когда Сетерис грубо разбудил его, начался мрачный бессвязный кошмар. Но внезапно все стало ясно, мучительно ясно. Словно издалека, он услышал собственный дрогнувший голос:

– Чем было вызвано крушение?

– Какая разница? – вмешался Сетерис.

– Ваша светлость, – ответил посланец, подчеркнуто не обращая внимания на Сетериса, – причина катастрофы пока не установлена. Но лорд-канцлер повелел Свидетелям провести расследование.

– Благодарю вас, – сказал Майя. Он не знал, что сейчас чувствует. Не знал, что ему следует чувствовать, зато знал, что должен делать. – Вы привезли для меня письма?

– Да, ваша светлость.

Посланник шагнул к столику и взял сумку. Оказалось, что письмо только одно. Сетерис хищно выхватил у курьера конверт и быстро сломал печать. Может быть, он решил, что посланник лжет?

Он быстро просмотрел письмо, и на его неприятном лице появилась злобная гримаса. Он швырнул письмо Майе и

вышел из комнаты. Майя не успел подхватить бумагу, и она упала на пол.

Придворный невозмутимо опустился на одно колено, поднял письмо и подал его Майе.

Майя почувствовал, как кровь прилила к лицу, и опустил уши. Однако он понимал, что не следует ничего объяснять и не следует извиняться за поведение Сетериса. Он постарался сосредоточиться на письме. Послание было подписано лорд-канцлером его отца, Улерисом Чаваром.

*Эригерцогу Майе Драджару,
наследнику императорского трона Этувераза.
Приветствуем Вашу Светлость в час величайшего
горя.*

Зная, что Ваша Светлость Император пожелает оказать подобающие почести покойному отцу и братьям, мы приказали начать подготовку к официальным похоронам, которые должны состояться через три дня, двадцать третьего числа сего месяца. Мы намерены известить о трагическом событии правителей пяти княжеств, а также сестру Вашей Светлости, которая в настоящее время пребывает в Ашедро. Мы уже приказали курьерской службе выделить необходимое количество воздушных кораблей, чтобы все приглашенные лица смогли прибыть во дворец к началу похорон.

Разумеется, нам неизвестны планы Вашей Светлости, но мы готовы в любую минуту приступить к выполнению Ваших указаний.

*Примите наши искренние соболезнования и уверения
в неизменной преданности,
Улерис Чавар.*

Майя поднял голову. Посланник наблюдал за ним с абсолютно бесстрастным лицом, и лишь наостренные уши выдавали его заинтересованность.

– Я... мы должны переговорить с нашим кузеном, – пробормотал он, путаясь в непривычной формальной конструкции. – А вы... да, вы, наверное, устали. Сейчас мы позовем слугу, и он обо всем позаботится.

– Ваша светлость очень добры, – ответил эльф, и если ему и было известно о том, что в поместье Эдономи всего двое слуг, он ничем этого не выдал.

Майя позвонил в колокольчик, зная, что Пелчара, лакей с птичьим лицом, только и ждет возможности вывести новости. Хару, который занимался работами вне дома, скорее всего, еще спал. А всем было известно, что Хару спит как убитый.

Пелчара приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Его глаза блеснули, уши стояли торчком, а на лице было написано любопытство.

– Этот господин, – начал Майя и покраснел от смущения, сообразив, что не знает имени посланника, – проделал долгий путь. Проследи за тем, чтобы он получил все необходимое.

Майя запнулся, с ужасом представляя, как будет расска-

зывать о происшедшем Пелчаре.

– Я буду у кузена, – пробормотал он и выбежал в коридор.

Под дверью спальни Сетериса он заметил полоску света и услышал шаги кузена – видимо, тот расхаживал по комнате из угла в угол. «О боги и богини, только бы он не успел приложиться как следует к графину», – взмолился про себя Майя, понимая, что молитва его вряд ли будет услышана, и постучал.

– Кто там?

Судя по *голосу*, кузен не был пьян сильнее, чем четверть часа назад.

– Это Майя. Можно?..

Дверь распахнулась, и Сетерис окинул его неприязненным взглядом.

– Ну? Чего тебе еще, парень?

– Кузен, – испуганно прошептал Майя, – что мне делать?

– Что тебе делать? – расхохотался Сетерис. – Ты у нас теперь *император*, малыш. Ты должен править всеми Эльфийскими Землями, изгнать из страны своих сородичей-варваров. Или, если захочешь, наоборот, можешь избавиться от эльфов и пригласить гоблинов. Зачем приходить ко мне, ныть и спрашивать, что делать?

– Потому что я не знаю.

– Страшилище безмозглое, – буркнул Сетерис, глядя в пространство, и Майя понял, что кузен выбралил его просто по привычке.

– Да, кузен, – робко шепнул Майя.

Сетерис снова пристально взглянул ему в лицо, но уже без гнева.

– Значит, хочешь получить совет?

– Да, кузен.

– Заходи, – бросил Сетерис, и Майя впервые за годы, проведенные в этом доме, вошел в спальню опекуна.

Обстановка была строгой, под стать хозяину – ни предметов роскоши, ни вещей, напоминавших о жизни при Унтэйлейанском Дворе. Ничего лишнего. Сетерис указал на единственный стул, а сам присел на кровать.

– Ты боишься, и не без оснований, малыш. Волки уже почуяли кровь и готовятся сожрать тебя с потрохами. Письмо при тебе?

– Да, кузен.

Майя протянул Сетерису письмо, помятое и испачканное после падения на грязный пол. Сетерис перечел послание, нахмурился и наострил уши. Это значило, что он напряженно размышлял. Длинными белыми пальцами Сетерис аккуратно разгладил бумагу и сложил листок.

– Улерис слишком много на себя берет.

– Правда? – И в следующее мгновение Майя понял. – Вы знакомы?

– Мы с ним старые враги, – пожал плечами Сетерис. – Похоже, он ничуть не изменился.

– В каком смысле?

– У Улериса нет причин любить тебя, малыш.

– Но он уверяет меня в своей преданности.

– Допустим. Но в преданности *кому*? Определенно не тебе, потому что ты всего лишь младший, нелюбимый отпрыск его покойного владыки. Император не желал видеть тебя на троне, и ты прекрасно это знаешь. Пошевели мозгами, мальчик – если, конечно, у тебя есть мозги.

– Что ты имеешь в виду? Я не понимаю!

– Милосердные богини, дайте мне терпения, – с преувеличенным раздражением воскликнул Сетерис, глядя в потолок. – Подумай хорошенько, малыш. Ты император. Что следует сделать сразу после того, как ты унаследуешь императорский трон?

– Кузен, сейчас не время для загадок.

– Никаких загадок.

Сетерис свирепо уставился на Майю, и вскоре тот понял.

– Коронация!

– Ха! – Сетерис звонко хлопнул в ладоши, и Майя вздрогнул. – Именно. А теперь ответь мне, почему в планах Улериса первым пунктом нет коронации, а точнее, почему он вообще о ней не упоминает?

– Но похороны...

– Нет! Ты рассуждаешь, как ребенок, а не как император. Мертвым безразличны почести, о которых Улерис болтает в своем письме, и он отлично это знает. Тебя должны заботить не мертвые, а живые. И власть над ними! Ведь сам он только

об этом сейчас и думает.

– Но...

– *Думай*, парень, – перебил его Сетерис, наклонившись вперед, и в его ледяных глазах вспыхнуло пламя. – Если ты на это способен, если у тебя в башке за всю жизнь появилась хоть одна самостоятельная мысль, в чем я очень сомневаюсь. Думай как следует. Ты приезжаешь к Унтэйлейанскому Двору, похороны начинаются и заканчиваются. Что потом?

– Потом я обращаюсь с просьбой к... Ох!

– Ты понял!

– Да...

Майя понимал свое нынешнее положение лучше, чем Сетерис мог себе представить, потому что в результате многолетнего общения с кузеном он многое усвоил. Ничего не предпринимая и выжидая, он поставит себя в положение просителя по отношению к Чавару, а просителю всегда можно отказать.

– И что мне следует сделать?

Сетерис ответил немедленно:

– Ты должен перехватить инициативу, а для этого необходимо попасть ко двору прежде, чем Улерис успеет укрепить свои позиции.

– Но как?

На дорогу из Эдономи в столицу обычно требовалась неделя.

– На воздушном корабле. – Сетерис сказал это так, слов-

но речь шла о чем-то обыденном, но Майе мгновенно стало плохо.

– Не могу.

– Ты *должен*. Иначе ты превратишься в марионетку Улериса, вынужден будешь плясать под его дудку. И весьма вероятно, что до девятнадцатого дня рождения ты не доживешь.

Майя склонил голову.

– Хорошо, кузен.

– Мы отправимся в столицу на воздушном корабле, который доставил сюда прихвостня Чавара. Корабль наверняка его ждет. А теперь иди и приведи себя в порядок.

– Хорошо, кузен, – пробормотал Майя. Сетерис, судя по всему, не сомневался в том, что новый император возьмет его с собой ко двору, и Майя не посмел возразить.

Глава 2

«Великолепие Кайрадо»

Воздушный корабль «Великолепие Кайрадо», пришвартованный к мачте, был похож на зловещую грозовую тучу в сером предрассветном небе. В последний раз Майя видел воздушный корабль в восемь лет, когда его привезли ко двору на похороны матери. Воспоминания о том времени были полны тоски. Он помнил, как молился Улису, чтобы тот позволил ему умереть вместе с матерью.

У всех членов экипажа были мрачные лица. Они уже знали о крушении «Мудрости Чохаро», и Майя видел в их глазах горе и страх.

Капитан поприветствовал Майю у трапа, невнятно пробормотав его титул, и Майя, повинувшись импульсу, остановился и негромко сказал:

– Мы абсолютно доверяем вам и вашей команде.

Капитан вздрогнул и поднял голову. Майя встретился с ним взглядом и улыбнулся. Капитан посмотрел ему в глаза, его уши приподнялись, и он снова поклонился, еще ниже, чем прежде.

– Благодарю, ваша светлость, – ответил он отчетливо и уверенно.

Майя поднялся по узкой железной винтовой лестнице, которая опоясывала мачту. Наверху, на крошечной платформе,

ждала женщина, в чьи обязанности входило проводить императора в пассажирскую каюту.

– Ваша светлость, – с усилием проговорила она и предложила Майе руку.

– Благодарим вас, – сказал Майя, принимая помощь, в которой вовсе не нуждался. Женщина, казалось, удивилась не меньше капитана.

Воздушные корабли не были предназначены для перевозки пассажиров, однако ими часто пользовались курьеры и иные государственные служащие. Сетерис предложил освободить корабль и посадить остальных пассажиров – четырех курьеров, двух миссионеров и пожилого мага, – но Майя отказался и теперь едва не сожалел о собственной доброте. Чиновники не сводили с него пристальных взглядов расширенных глаз, и Майе казалось, что они, затаив дыхание, следят за каждым его движением.

После внезапного превращения в императора Майе захотелось таким же чудесным образом стать кем-то новым, но, увы, ни внутренне, ни внешне он не изменился. Майя был одет согласно трауру, во все черное, но даже невнимательный наблюдатель мог сразу заметить, что его одежда с чужого плеча, и что она была перекрашена, по меньшей мере, трижды. В прошлый раз Майя носил траур два года назад, когда умерла сестра императора, эрцгерцогиня Эбрене’ан. Тогда эти обноски Сетериса были ему велики, а теперь он едва смог натянуть ставшие тесными штаны и рубаху. У Майи не

было ни шпилек *ташин*, ни гребней, поэтому ему пришлось заплести волосы в косы и кое-как закрепить их на затылке, чтобы они не закрывали шею. Такая прическа больше подходила ребенку, чем почти взрослому юноше, тем более императору.

Он устроился на свободном месте между Сетерисом и посланником лорд-канцлера. Возможно, посланник и счел поспешный отъезд нового императора в столицу угрозой планам своего господина, но ничем не выдал своих мыслей и охотно принял участие в подготовке к путешествию. Никто не смог бы упрекнуть молодого придворного в том, что он меньше Сетериса заботится об интересах Майи. Майя улыбнулся. Сетерис заботится о его интересах – какая ирония! Они с опекуном невзлюбили друг друга с первой минуты знакомства. Они встретились на похоронах матери Майи, императрицы Ченело. На корабле, который доставил тело умершей к Унтэйлейанскому Двору из глуши, куда ее сослал муж, в столицу приехал и ее убитый горем восьмилетний сын. Варенечибель IV даже не взглянул на ребенка, и сразу же после церемонии прощания Майю отдали Сетерису Нелару. Придворному было приказано отправиться вместе с мальчиком в Эдономи, бывший охотничий домик императора. С тех пор взаимная антипатия Майи и его опекуна несколько не уменьшилась, скорее, наоборот.

Майя покосился на кузена. Сетерис прожигал свирепым взглядом ни в чем не повинную резную балку – так, по край-

ней мере, показалось Майе. Он никогда не видел Сетериса в спокойном расположении духа, если не считать вечеров, когда тот напивался в стельку и становился слезливым и сентиментальным. Сетерис с его дурным характером превратил подростковые годы Майи в настоящий кошмар. В качестве напоминания о жизни в Эдономи Майе до самой смерти суждено было носить на левом предплечье уродливые шрамы. Однажды Сетерис ударил его с такой силой, что он не удержался на ногах и врезался в весьма натуралистично исполненные олени рога из кованого железа, которые украшали каминную решетку в парадном зале.

Надо отдать Сетерису должное – он тогда по-настоящему испугался. После этого инцидента, оживившего однообразную и ничем не примечательную пятнадцатую зиму Майи, его наставник стал гораздо реже распускать руки. Однако Майя по-прежнему терпеть не мог Сетериса и знал, что никогда до конца не сможет простить кузену эпизод с каминной решеткой.

Женщина из команды корабля вошла в каюту и тщательно закрыла за собой дверь. Она откашлялась, хотя Майя не видел никакой нужды привлекать внимание пассажиров, сидевших в полном молчании. Видимо, у нее пересохло в горле от волнения. Наконец, она заговорила:

– Ваша светлость, капитан занял место на мостике, мы готовимся отчалить.

Сетерис незаметно ткнул Майю локтем в бок, и новоиспе-

ченный император пролепетал:

– Благодарим вас.

Женщина с видимым облегчением поклонилась и уже обычной походкой, выпрямив спину, перешла в переднюю часть каюты, где находилось переговорное устройство для связи с экипажем. Майя едва успел задать себе вопрос, сможет ли он понять, когда «Великолепие Кайрадо» отчалит от мачты. В следующее мгновение корабль едва заметно покачулся и начал подниматься к розоватому утреннему небу.

Путешествие на воздушном корабле до Унтэйлейанского Двора занимало два часа. По суше это расстояние можно было преодолеть в лучшем случае за четыре дня, и то если погода была хорошая, а Истанда'арта в месте переправы не был слишком бурным. Загудели двигатели, и Майя с облегчением подумал, что теперь у него есть предлог не разговаривать с Сетерисом. За этой мыслью пришла другая – о последних минутах «Мудрости Чохаро». Меньше суток назад корабль с императором Эльфийских Земель на борту находился в воздухе. Майя размышлял о том, как погибли пассажиры и экипаж: успели ли они понять, что их ждет смерть, или небытие обрушилось внезапно, как орудие палача? Он попытался представить себе, как отец кричит и рыдает. Попытался представить его испуганным, но не смог. В воспоминаниях Майи о первой и последней встречи с отцом, император Варенчибель IV был высоким надменным мужчиной с ледяными глазами, с белым и холодным, как мрамор, лицом.

Майя помнил богатые одежды, покрытые вышивкой, лунные камни, украшавшие пальцы и уши отца, вплетенные в его косы. Он помнил черные ленты, единственный знак траура, который император счел нужным надеть после смерти четвертой супруги; они были похожи на полосы чернил, запятнавшие безупречно белые одежды отца. Он помнил, как Варенчибель презрительно поморщился, увидев его, Майю, помнил мелодичный, но жестокий голос:

– Мерзкое отродье выглядит точь-в-точь, как его мамаша.

Эта картина, ясная, четкая, застывшая, как официальный портрет императора, который висел в приемном зале Эдономи, осталась в его памяти навсегда. Теперь его представления о Варенчибеле никогда не изменятся, он навсегда лишился надежды узнать собственного отца.

«С другой стороны, – подумал Майя, вжавшись в сиденье, чтобы не встречаться взглядом с Сетерисом, – если бы твои представления об отце и изменились, то только к худшему. Благодарю богов за то, что он сразу забыл о своем *мерзком отродье*».

Лиц братьев он не помнил. Он даже не понял, кто есть кто в толпе одетых в черное аристократов, стоявших вокруг гроба матери. Родственников ему показала придворная дама, которой велели присматривать за ним во время похорон, жена какого-то мелкого помещика. Он, конечно, давно забыл ее имя.

– Вон там – ваш брат Немолис и его супруга, это ваш брат

Наджира, а рядом ваш брат Кирис.

Для него, мальчишки, все они были на одно лицо — равнодушные взрослые с белыми волосами и светло-серыми глазами. Никто из них даже не подошел к нему, ни во время похорон, ни потом. Возможно, они разделяли отвращение императора к полукровке, возможно, просто боялись гнева Варенчибея. Майя не рискнул обратиться к братьям и невестке, не желая рассердить их. А теперь было слишком поздно. Он никогда не сможет поговорить с ними.

Ему хотелось откинуть голову на спинку кресла и закрыть глаза, но и без напоминаний Сетериса он прекрасно знал, что императору не подобает вести себя так на публике. Семерых пассажиров и нервную женщину из экипажа корабля, очевидно, можно было рассматривать как «публику». В течение десяти лет Сетерис и Майя были убеждены в том, что им обоим предстоит закончить свои дни в Эдономи, но, тем не менее, кузен упорно вдавливал своему подопечному правила придворного этикета и настаивал на их неукоснительном соблюдении. Для Майи это не являлось проблемой, поскольку Ченело воспитывала его как императорского сына, но сейчас ему неожиданно пришло в голову, что, пожалуй, следует быть благодарным кузену.

Он бросил быстрый взгляд на хмурое лицо Сетериса, застывшее, как гранитная маска. Было странно сейчас, на рассвете, после бессонной ночи, смотреть на Сетериса и видеть вместо тирана Эдономи ничем не примечательного бывше-

го придворного, мужчину средних лет, озлобленного на весь мир, хитрого, но не слишком умного. Майя до сих пор не знал, чем Сетерис заслужил немилость Варенечибея, но догадывался, что это был какой-то серьезный проступок. Очувтившись за пределами Эдономи, Сетерис стал невзрачным, маленьким и совсем не страшным. Майе вдруг пришло в голову, что, если Сетерис еще когда-нибудь его ударит, это будет означать смертный приговор. Когда Майя осознал это, у него закружилась голова, и он не сразу понял, что вцепился в подлокотники кресла. Неужели «Великолепие» попало в мощный воздушный поток? Нет, это всего лишь новые, непривычные мысли... Он приказал себе разжать пальцы, пока никто не заметил его состояния. Было бы в высшей степени неприлично с его стороны дать понять пассажирам и членам экипажа, что он боится крушения.

Выглянув в иллюминатор, он увидел гигантские облака, которые утренняя заря окрасила в розовый цвет. Они были похожи на заснеженные горы. Он вспомнил популярный в стране Бариджан гимн богине Осрейан, которому научила его мать, и беззвучно помолился. Он просил богиню позаботиться не только о его отце и сводных братьях, но и обо всех, кто находился на борту «Мудрости Чохаро».

Приближение служанки из команды корабля заставило Майю вернуться к действительности. Она остановилась на расстоянии вытянутой руки от него и опустилась на одно колено.

– Ваша светлость.

– Да? – ответил Майя. Краем глаза он заметил, что Сетерис и посланник лорд-канцлера оживились и внимательно наблюдают за ним.

– Ваша светлость, капитан велел мне узнать, не пожелаете ли вы пройти в кабину экипажа, чтобы полюбоваться восходом солнца. Это очень красиво.

– Спасибо, – быстро ответил Майя, не давая Сетерису открыть рта. – Мы бы очень хотели взглянуть.

Он поднялся и постарался не улыбнуться, заметив, что Сетерис побагровел от бессильной ярости. Мысль о гневе кузена, а также множество других мыслей, которые появились у него после лекции насчет предстоящей схватки с Улерисом Чаваром, заставили его обернуться и обратиться к посланнику.

– Мы желаем, чтобы вы сопровождали нас.

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – ответил посланник и с готовностью вскочил с места.

И они ушли, оставив Сетериса в бешенстве. Естественно, он не мог навязываться в спутники императору после того, как тот пригласил другого придворного. Майя напомнил себе о том, что императору не пристало злорадствовать, и мысленно упрекнул себя: «Я не должен искать удовольствия в том, чтобы унижать подданных».

Это было пьянящее ощущение, но он знал, что оно отравляет душу.

Они прошли в переднюю часть пассажирской каюты, и служанка распахнула перед императором узкую дверь. В конце коридора, по которому Майя едва мог пройти, не задевая плечами стен, обнаружилась другая дверь, ведущая в кабину. Из огромного обзорного окна открывался потрясающий вид на небо и облака.

– Ваша светлость, – хором поприветствовали Майю капитан и старший помощник и тут же отвернулись к своим приборам.

Слепящие солнечные лучи пробивались сквозь тучи. Майя отметил, что старший помощник – не чистокровный эльф, его кожа была лишь немного светлее, чем у него самого.

– Господа, мы вам очень благодарны, – сказал Майя, повысив голос, чтобы его слышали сквозь рев моторов. Он позволил служанке отвести себя к месту, откуда он мог смотреть в окно, не мешая экипажу и не задевая приборов. Посланник лорд-канцлера встал напротив, а служанка закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Так, в молчании, они простояли четверть часа. Восхищенный Майя с замиранием сердца наблюдал за тем, как сияющий Анмура покидает объятия Осрейан. Потом старший помощник обернулся и, склонив голову, обратился к императору:

– Ваша светлость, мы прибудем к Унтэйлейанскому Двору приблизительно через час.

Майя воспринял это как намек на то, что посторонним следует покинуть кабину, и ответил:

– Мы очень благодарны вам, господа. Мы сохраним в памяти этот момент как начало нашего царствования.

Лучше это, чем неожиданное пробуждение среди ночи, смятение, паника, от которой мешались мысли, пьяное лицо и злобная брань Сетериса.

– Ваша светлость, – снова в один голос сказали капитан и старший помощник, и он понял, что его слова их порадовали.

Служанка открыла Майе дверь, и он вернулся в пассажирскую каюту. Остаток пути он провел, размышляя о том, каким образом следует приветствовать лорд-канцлера.

Глава 3

Алкетмерет

Причальная мачта Унтэйлейанского Двора была инкрустирована множеством драгоценных камней. Майя спускался по узкому винтовому трапу медленно, очень осторожно. Голова у него была ясная, но он понимал, что это обманчивое ощущение, и что от усталости он не вполне владеет своим телом. Достаточно было одного неверного движения, чтобы сломать шею.

Никто не знал о его прибытии, никто не ждал его у подножия трапа, если не считать капитана. Майя вздохнул с облегчением. Он понимал, что с Чаваром, застигнутым врасплох, будет намного проще иметь дело, чем с Чаваром, у которого было время обдумать ситуацию и составить план действий.

Прибавив шаг, Майя обогнал кузена и обратился к посланнику:

– Вы не проводите нас?

Придворный бросил быстрый взгляд на Сетериса и поклонился.

– Разумеется, ваша светлость, почту за честь.

– Благодарим вас. И не будете ли вы так любезны... – Майя решил отбросить церемонии и, понизив голос, спросил: – Как вас зовут?

Наконец-то ему удалось вывести посланника из равнове-

сия: на мгновение его каменное лицо ожило, брови поползли вверх, и он улыбнулся.

– Ксевет Айсава, целиком и полностью к услугам вашей светлости.

– Благодарим вас, – повторил Майя и последовал за Ксеветом к длинной крытой галерее, которая вела к Унтэйлейанскому Двору.

Слово «двор» могло ввести непосвященного в заблуждение. Обширный дворцовый комплекс по площади превосходил окружавший его город Кето. Здесь располагались не только покои императора, но и Верховный Суд, Парламент, здание, где заседал Кораджас, комитет Свидетелей, или советников императора; здесь жили все секретари, посланники, слуги, должностные лица и воины, которые обеспечивали работу правительственных органов. Проект Двора принадлежал императору Эдретелеме III и был воплощен в годы правления его сына, внука и правнука, которые носили то же имя. Поэтому Унтэйлейанский Двор представлял собой единое архитектурное сооружение – дворцы, дома и общественные здания образовывали нечто вроде спирали, которую венчал огромный купол Алкетмерета, главной резиденции императора.

– Мой дом, – подумал Майя, но это словосочетание было для него лишь набором звуков.

– Ваша светлость, – заговорил Ксевет, остановившись перед высокими стеклянными дверями в конце галереи, – куда

вы желаете отправиться?

Майя ответил не сразу. В первую очередь ему необходимо было побеседовать с лорд-канцлером, однако он не забыл поучений Сетериса. Император, бегающий по коридорам в поисках первого министра, выглядел бы смехотворно и глупо. Майя не желал унижаться перед Чаваром. С другой стороны, он ничего не знал ни о столице, ни о дворце, если не считать рассказов матери. А поскольку она прожила при Унтэйлейанском Дворе меньше года, он не мог полагаться на сведения, полученные от нее.

В этот момент их догнал Сетерис, и Майя подумал, что ему есть к кому обратиться за помощью, если она понадобится.

– Кузен, нам требуется помещение, в котором мы могли бы встретиться с лорд-канцлером нашего отца и поговорить без посторонних, – сказал он.

На лице его бывшего наставника промелькнуло странное выражение, которое Майя не смог определить. Но Сетерис мгновенно взял себя в руки и ответил:

– Для подобных аудиенций император всегда пользовался Черепеховой Комнатой в Алкетмерете.

– Благодарим вас, кузен, – сказал Майя и обернулся к посланнику. – Проводите нас туда, пожалуйста.

– Да, ваша светлость, – с поклоном произнес Ксевет и придержал для Майи дверь, ведущую в Унтэйлейанский Двор.

Майя думал, что внутри столица окажется похожей на ла-

биринт, но это было не так, и его восхищение талантами Эдретелемы III возросло. Без сомнения, за стенами, облицованными декоративными панелями, скрывались запутанные переходы и темные галереи, но залы и коридоры, доступные для публики, были прямыми и широкими. Архитектор позаботился о том, чтобы его потомки смогли без труда найти дорогу в собственной столице. Идти пришлось долго, но Майя решил, что даже Эдретелема не смог бы ничего с этим поделаться; Унтэйлейанский Дворец был поистине огромен.

Новоприбывших почти сразу заметили, что было неудивительно, и Майя с некоторой горечью понял, что может отличить приближенных лорд-канцлера от непосвященных. Придворные, узнавшие Ксевета в лицо, выглядели встревоженными. Если бы не посланник лорд-канцлера, на нового императора никто не обратил бы внимания.

«Видимо, я действительно не похож на отца, и очень хорошо», – сказал себе Майя, стараясь не падать духом. Конечно, он понимал, что темные волосы и кожа, унаследованные от матери – женщины из народа гоблинов, не добавят ему популярности при Унтэйлейанском Дворе. Майя отогнал эту мысль и мрачно подумал, что вскоре все узнают, кто он на самом деле.

Ксевет открыл очередную богато декорированную дверь, точнее, нечто вроде калитки в массивных бронзовых воротах, и Майя очутился на нижнем этаже Алкетмерета. Вдоль стен башни шли широкие винтовые лестницы. Нижние уров-

ни башни представляли собой просторные залы без перегородок — возможно, такая планировка должна была напоминать будущим императорам о том, что частная жизнь является для них непозволительной роскошью. Но когда они преодолели примерно половину подъема, все изменилось. Верхние этажи были отделены от нижних высокой железной решеткой, которая теперь была поднята, поскольку император в резиденции отсутствовал. Майя заметил, что лестница, ведущая наверх, не просматривалась. Это вселяло надежду на то, что личные покои императора окажутся больше похожими на жилые комнаты, и там он почувствует себя менее уязвимым.

Слуги были повсюду; сначала он даже не смог рассмотреть их лиц, потому что все они при виде него склоняли головы и опускались на колени. Некоторые падали ниц, как Ксевет сегодня в Эдономи. Майя понял, что за этими знаками уважения скрывается страх. Он слишком поздно понял, что к его внезапному появлению во дворце можно было отнести как к попытке найти просчеты в работе слуг, чтобы обвинить их в пренебрежении своими обязанностями. А ведь они вовсе не заслуживали этого. Сетерис сказал бы ему, что не стоит задумываться о чувствах простолюдинов, что это сентиментальная чепуха. Но в Бариджане к слугам относились как к членам семьи, и они часто действительно были родственниками хозяев. Императрица Ченело следовала в этом вопросе обычаям своей страны, и Майя старался вести себя так,

как учила мать. В том числе потому, что это противоречило взглядам Сетериса.

– Черепаховая Комната, ваша светлость? – переспросил Ксевет.

– Да. Но сначала, – быстро ответил Майя, когда придворный шагнул к ближайшей лестнице, – мы желаем поговорить с нашим управляющим. А *потом* – с лорд-канцлером.

– Разумеется, ваша светлость, – ответил Ксевет.

Черепаховая Комната находилась сразу за железной решеткой. Это было небольшое помещение, отделанное шелком теплого янтарного цвета, что делало ее уютной. В комнате было холодно, но едва Майя успел сесть в кресло у камина, как в комнату поспешно вошла служанка и принялась разводить огонь. Ее руки дрожали так сильно, что она едва не выронила огниво.

Все это время девушка не поднимала головы, и Майя мог видеть лишь коротко стриженные черные волосы – признак происхождения от гоблинов. Когда служанка вышла, Сетерис подал голос:

– Ну что, малыш?

Майя откинул голову на спинку кресла и взглянул на кузена, который стоял напротив, вальяжно прислонившись к стене.

– Ты слишком много на себя берешь, кузен, хотя сам еще сегодня утром предупреждал меня об опасности такого поведения.

Майя подумал, что ради этого момента стоило десять лет терпеть издевательства Сетериса. Кузен открыл рот и несколько секунд беззвучно шевелил губами, словно рыба, выброшенная на берег.

– Не забывай, – напомнил себе Майя. – Злорадство может отравить твою душу.

– Я тебя воспитал! – с негодованием воскликнул Сетерис.

– Допустим.

Сетерис несколько раз моргнул и медленно опустился на колени.

– Ваша светлость, – пробормотал он, потом, повинувшись жесту Майи, покорно сел в соседнее кресло.

– Благодарим вас, кузен, – кивнул Майя. Он догадывался, что поклон и вежливое обращение ничего не значат, и Сетерис искренне возмущен высокомерием своего бывшего подопечного и просто ждет подходящего момента, чтобы вернуть себе главенствующее положение.

«У тебя ничего не выйдет, – подумал Майя. – Если я чего-то и добьюсь за время своего царствования, так это избавления от *тебя*. Я не позволю тебе управлять мною».

Дверь приоткрылась, и Ксевет объявил:

– Заведующая дворцовым хозяйством Эчело Эсаран, ваша светлость.

– Благодарим вас, – ответил Майя. – Найдите лорд-канцлера, пожалуйста.

– Да, ваша светлость, – поклонился Ксевет и снова скрыл-

ся.

Эсаран на вид можно было дать лет сорок пять. Короткая стрижка, принятая у слуг, подчеркивала резкие черты лица и добавляла женщине аскетизма. Униформу она носила с достоинством императрицы. Экономка грациозно опустилась на колени перед Майей. Ни выражение лица, ни положение ушей не выдавали ее мыслей.

– Мы приносим извинения за наше неожиданное прибытие, – начал Майя.

– Ваша светлость, – приветствовала его женщина.

Когда Майя услышал этот холодный, жесткий голос, у него упало сердце. Он понял, что экономка была всецело предана его отцу.

«Мне не нужны новые враги!» – воскликнул он про себя. Увы, вслух он не мог сказать ничего подобного. Поэтому он продолжал:

– Мы не желаем надолго отрывать вас от выполнения ваших обязанностей. Прошу вас, передайте всем слугам нашу благодарность и наши... наши соболезнования.

Он не мог сказать, что разделяет их скорбь, потому что это было бы ложью – а кроме того, женщина с холодными глазами знала, что он вовсе не скорбит.

– Ваша светлость, – повторила она. – Будут ли еще какие-нибудь приказания?

– Это все, благодарим вас, Эсаран.

Она поднялась и вышла. Майя помассировал переноси-

цу и сказал себе, что экономка – первая, но едва ли последняя обитательница Двора, которая возненавидела его просто за то, что он занял место отца. Нельзя обижаться на нее за враждебное отношение – с его стороны обида была бы проявлением слабости и глупости.

«Обида – еще одна роскошь, которую ты не можешь себе позволить», – подумал он, стараясь не встречаться взглядом с Сетерисом.

Ксевет, ушедший на поиски лорд-канцлера, довольно долго не возвращался. Но Майя умел терпеть и ждать. Этому его учила мать, а потом Сетерис. Кроме того, ему нужно было о многом подумать. Он сидел, выпрямив спину, сложив руки на коленях, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица и не шевелить ушами. Он думал обо всем, чего не знал, чему его не учили. Ведь никто не мог представить, что трон императора, у которого было трое здоровых сыновей и внук, унаследует четвертый – нелюбимый, брошенный ребенок.

«Мне понадобится наставник, – решил Майя, – но это будет не Сетерис».

Сетерис почувствовал, что потерпел поражение в безмолвном поединке, разыгравшемся в Черепаховой Комнате, и первым нарушил молчание:

– Ваша светлость?

– Да, кузен?

Он заметил, что Сетерис сглотнул, а его уши безвольно обвисли, и насторожился. Все, что приводило Сетериса в за-

мешательство, неизбежно вызывало у Майи интерес.

– Мы... мы просим позволения поговорить с нашей супругой.

– Разумеется, – сказал Майя. – Вы можете послать за ней Ксевета, когда он вернется.

Сетерис покорно склонился, но настойчиво продолжил:

– Ваша светлость, мы надеялись... представить ее вам лично.

Майя задумался. Ему почти ничего не было известно о жене Сетериса, Хесеро Неларан. Он знал лишь, что она неустанно, но тщетно пыталась убедить императора вернуть Сетериса ко двору и еженедельно писала мужу письма, в которых подробно излагала последние столичные сплетни. Сетерис говорил о ней очень редко, только если пребывал в особенно хорошем расположении духа, или если ему хотелось обсудить за завтраком дворцовые скандалы. Поэтому Майя решил, что это был брак по расчету, что супруги не любили друг друга, хотя кузен, возможно, и не испытывал по отношению к Хесеро такой ненависти, какую император питал к четвертой жене. Однако, видя неподдельное волнение Сетериса, Майя понял, что ошибался.

«Не следует наживать себе врагов, если в этом нет необходимости», – подумал он, вспомнив суровый взгляд меррем Эсаран и представив предстоящую беседу с лорд-канцлером. Вслух он ответил:

– Мы с удовольствием познакомимся с вашей супругой.

После того, как дадим аудиенцию лорд-канцлеру.

– Да, ваша светлость, – согласился Сетерис, склонив голову.

Они снова замолчали. Прошел час после ухода Ксевета, и Майя задался вопросом: неужели лорд-канцлер так хитро спрятался? Это было бы крайне странно и неприлично со стороны чиновника, занятого организацией государственных похорон. Очевидно, Чавар просто хотел выиграть время, а заодно унижить императора в глазах придворных.

«Такая тактика навредит ему самому, – подумал Майя. – Он не может тянуть время бесконечно. Таким образом он не вынудит меня пойти на уступки, зато рискует быть отстраненным от должности за неуважение к императору. Возможно, он считает, что я не пойду на такой шаг, но я не позволю ему руководить мною и диктовать свою волю. Допустим, он не испытывает ко мне никакого расположения, но ведь и я ему ничем не обязан. Я его даже ни разу не видел».

Погрузившись в мрачные мысли, Майя не сразу услышал шум и топот на лестнице, которые, судя по всему, свидетельствовали о приближении Чавара.

– Он что, привел с собой армию? – пробормотал Сетерис, и Майя прикусил губу, чтобы скрыть улыбку.

В дверях появился слегка запыхавшийся Ксевет.

– Лорд-канцлер, ваша светлость.

– Благодарим вас, – с достоинством ответил Майя и перевел взгляд на дверь.

Сам того не осознавая, он ожидал увидеть копию официального портрета отца – высокого надменного мужчину с холодными глазами. Оказалось, что его представления далеки от истины. Чавар был невысоким и полным по эльфийским меркам. Он двигался порывисто, возбужденно жестикулировал и, прежде чем преклонить колено перед Майей, буквально навис над ним.

– Приветствую вас, ваша светлость! – воскликнул он.

Майя едва сдержался, чтобы не вскочить с места и не отбежать в сторону. Он быстро кивнул Сетерису, разрешая отправить Ксевета за осмеррем Неларан, и когда Сетерис отошел к двери, Майя жестом велел лорд-канцлеру занять освободившееся кресло. Такое приглашение со стороны императора являлось знаком особой благосклонности.

Чавар грузно опустился в кресло и небрежно бросил:

– Каковы будут приказания вашей светлости?

Разумеется, вопрос был всего лишь формальностью, и Чавар не собирался ждать ответа. Канцлер уже открыл рот – без сомнения, для того, чтобы рассказать о подготовке к похоронам, – но Майя перебил его, впрочем, довольно милостивым тоном:

– Мы желаем обсудить нашу коронацию.

Секунду Чавар сидел с полуоткрытым ртом, потом, скрипнув зубами, закрыл его, сделал глубокий вдох и забормотал:

– Ваша светлость, разумеется, вы понимаете, что сейчас неподходящее время. Похороны вашего отца...

– Мы желаем, – холодно повторил Майя, – обсудить нашу коронацию. После того, как вы представите нам план этой церемонии, и мы одобрим его, мы выслушаем ваши соображения по поводу похорон нашего отца. – Он замолчал, глядя Чавару прямо в глаза.

Чавар выдержал взгляд Майи.

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – процедил он, и Майя буквально физически ощутил неприязнь собеседника. Последовало молчание, красноречивое, как меч, наполовину извлеченный из ножен.

– Не будет ли дерзостью с нашей стороны попросить конкретных указаний вашей светлости относительно коронации?

Майя сразу почувствовал ловушку и постарался ее избежать.

– Как быстро вы сможете к ней подготовиться? Мы не желаем надолго откладывать проведение положенных обрядов и погребальную церемонию нашего отца и братьев, но, с другой стороны, мы не хотели бы, чтобы коронация прошла в спешке и произвела неблагоприятное впечатление.

На лице Чавара на миг отразилось раздражение. Очевидно, он не ожидал встретить соперника в лице восемнадцатилетнего императора, воспитанного в полной изоляции в глухом поместье. Майя усмехнулся про себя:

«Что ж, Чавар, попробуй провести десять лет с ненавистным “опекуном”, который тебя терпеть не может, и посмот-

рим, насколько это обострит *твой* ум».

Должно быть, Чавар отчасти угадал мысли Майи по выражению его лица и поспешно предложил:

– Коронацию можно назначить на завтрашнее утро, ваша светлость. Таким образом, похороны задержатся всего на один день.

И Чавар замолчал, видимо, надеясь на то, что Майя еще недостаточно твердо стоит на ногах и уступит своему лорд-канцлеру.

Но Майя размышлял о другом. Прежде чем совершить неизвестный проступок, вызвавший гнев Варенечибея, Сетерис успел получить юридическое образование. Оказавшись в изгнании в Эдономи, он задался целью внушить Майе простейшие вещи, которые были доступны недалекому, на его взгляд, подростку. Это было сделано отнюдь не из добрых побуждений, просто Сетерис придерживался определенного мнения насчет того, как именно следует воспитывать сына императора. Нельзя было допустить, чтобы сын императора оставался невеждой. Кроме того, Майя предполагал, что Сетерис скучал в Эдономи так же отчаянно, как и его воспитанник, и нуждался в каком-то осмысленном занятии.

И снова ему пришло в голову, что следовало бы поблагодарить Сетериса, но он не чувствовал благодарности.

Среди прочего, Сетерис вдалбливал ему протокол коронации, и Майя спросил:

– Успеют ли принцы прибыть на церемонию?

Он прекрасно знал, что не успеют, иначе Чавар назначил бы похороны на завтра. Но пока Майя не был готов открыто обвинить лорд-канцлера в неуважении и отстранить его от должности.

«Это было бы необычным началом царствования», – подумал он, но постарался согнать с лица горькую усмешку. Он знал, что ему придется терпеть присутствие Чавара до того времени, когда он не познакомится с механизмами управления страной и не сможет выбрать нового помощника. Майя было неприятно понимать, что этот день наступит не скоро.

Чавар тем временем довольно правдоподобно изобразил огорчение.

– Ваша светлость, мы нижайше просим у вас прощения за эту прискорбную оплошность. Но даже если мы отправим посланников с приглашением сегодня, принцы не смогут прибыть в столицу ранее двадцать третьего числа.

«Что мы уже знаем из вашего письма», – захотелось ответить Майе. Однако он промолчал, но по лицу Чавара понял, что придворный догадался о его мыслях. Лорд-канцлер продолжал:

– Ваша светлость, мы назначим коронацию на полночь двадцать четвертого числа и начнем подготовку немедленно.

И Майе пришлось принять это предложение – замаскированную просьбу о перемирии.

– Благодарим вас, – сказал он и жестом велел Чавару встать. – Следовательно, похороны состоятся двадцать пято-

го? Или вы успеете к двадцать четвертому?

– Ваша светлость, – ответил Чавар, склонив голову. – Двадцать четвертое число – это вполне приемлемо.

– Тогда приступайте.

Чавар уже открыл дверь, когда Майя вспомнил кое-что еще.

– А как насчет остальных погибших?

– Прошу прощения, ваша светлость?

– Я говорю о тех, кто находился вместе с императорской семьей на борту «Мудрости Чохаро». Когда состоятся похороны? Какие шаги вы предприняли для их организации?

– Разумеется, телохранители императора будут похоронены вместе с ним.

Майя видел, что на этот раз Чавар не притворялся – он действительно не понимал, о чем речь.

– А капитан корабля? А все остальные?

– Ах, вы имеете в виду команду и слуг, ваша светлость, – пробормотал сбитый с толку Чавар. – Сегодня вечером они будут похоронены в Улимеyre.

– Мы намерены присутствовать.

Сетерис и Чавар уставились на него с нескрываемым изумлением.

– Они погибли вместе с нашим отцом, – сказал Майя. – Мы будем на похоронах.

– Слушаюсь, ваша светлость, – ответил Чавар, небрежно поклонился и скрылся за дверью. Наверное, лорд-канцлер

решил, что у нового императора не все в порядке с головой, усмехнулся про себя Майя.

Сетерис, разумеется, в этом нисколько не сомневался. Он неоднократно выражал свое мнение по поводу пагубного влияния Ченело. Но сейчас он воздержался от замечаний, молча закатив глаза.

Ксевет до сих пор не вернулся, и Майя решил заняться другими делами.

– Кузен, – приказал он, – будьте так любезны, пришлите к нам хранителя императорского гардероба.

– Да, ваша светлость, – буркнул Сетерис и, отвесив такой же небрежный поклон, как Чавар, закрыл за собой дверь. Майя воспользовался минутой одиночества для того, чтобы, наконец, встать с кресла и размять затекшие ноги.

– Не все против тебя, – прошептал он, не вполне веря собственным словам. Он оперся о каминную полку, уронил голову на руки и попытался воскресить в памяти восход солнца, увиденный из кабины «Великолепия Кайрадо», но картина в его воображении оказалась тусклой и размытой, словно он смотрел на нее сквозь грязное стекло.

В дверь осторожно постучали, и послышалось робкое:

– Ва... ваша светлость?

Майя обернулся. На пороге стоял мужчина средних лет, высокий и сутулый. Испуганное выражение лица делало его похожим на кролика.

– Вы наш хранитель гардероба?

– Да, ваша светлость, – с низким поклоном отвечал слуга. – Мы... мы служили вашему покойному отцу на этой должности. И будем служить вам, если такова ваша воля.

– Как вас зовут?

– Клемис Аттередж, ваша светлость.

Майя внимательно посмотрел в лицо слуге, но увидел лишь признаки крайней неуверенности в себе и желание угодить императору.

– Наша коронация состоится в полночь двадцать четвертого числа, – объяснил Майя. – На тот же день назначены похороны нашего отца и братьев. Но сегодня пройдут похороны остальных погибших, в которых мы желаем принять участие.

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – любезно ответил Аттередж.

Майе показалось, что хранитель гардероба его не понял.

– Что должен надеть некоронованный император на публичные похороны?

– О! – Аттередж шагнул вперед. – Вы не можете надеть официальные белые одежды императора, а придворный траур будет неуместен... И вы совершенно точно не можете идти на церемонию в *этом*.

Майя прикусил губу до крови, но ему все-таки удалось не рассмеяться. Аттередж продолжал:

– Мы посмотрим, что можно сделать, ваша светлость. Вам известно, когда начнется церемония похорон?

– Нет, – ответил Майя и мысленно выругал себя за промах.

– Мы все выясним, – пообещал Аттередж. – Мы готовы обсудить ваш новый гардероб, когда это будет удобно вашей светлости.

– Благодарим вас, – ответил Майя, и придворный, поклонившись, удалился.

Майя ошеломленно опустилcя в кресло. Он не помнил, когда в последний раз надевал хоть что-то новое из одежды, а теперь у него будет целый новый гардероб!

– Ты же император, а не сын полоумного старьевщика, – сказал он себе. Но при мысли о том, как круто изменилась его жизнь за последние десять часов, кружилась голова.

На лестнице слышались быстрые шаги. Майя поднял голову, ожидая увидеть Сетериса, но в комнату вошел запыхавшийся испуганный мальчик лет четырнадцати, облаченный в полный придворный траур. В руке он сжимал письмо с черной каймой и большой замысловатой печатью.

– Ваша светлость император! – выдохнул мальчишка и распростерся на полу.

Майя растерялся не меньше, чем вчера ночью в Эдономи, и не знал, как реагировать. Ксевет, по крайней мере, был достаточно хорошо воспитан, чтобы сразу же подняться на ноги. Он неуверенно попросил:

– Пожалуйста, встаньте.

Мальчик повиновался и уставился на Майю, прижав уши

к голове. Вряд ли его так потрясла непосредственная близость императора – судя по гербу рода Драджда на его одежде, он был дворцовым слугой. Майя знал, что сейчас сказал бы на его месте Сетерис: «Ну что, парень, язык проглотил?».

Он даже слышал эту фразу, произнесенную собственным голосом. Но он обратился к ребенку вполне доброжелательным тоном:

– Вы принесли для нас послание?

– Вот. Ваша светлость. – И мальчик сунул ему в руки письмо.

Майя взял конверт и с ужасом услышал свой голос:

– Давно ли вы служите при Унтэйлейанском Дворе? – Он едва успел проглотить слово «мальчик».

– Ч-четыре года. Ваша светлость.

Майя приподнял брови, копируя высокомерную гримасу, которую он так часто видел на лице Сетериса. Дождавшись, пока слуга покраснеет до корней волос, он сделал вид, будто мальчишка его больше не интересует, и занялся письмом. На конверте четким почерком писца было выведено имя адресата: «Эрцгерцогу Майе Драджару». Это отнюдь не улучшило Майе настроения.

Он сломал печать и, заметив, что мальчишка еще в комнате, поднял голову.

– Ваша светлость, – пробормотал слуга. – Я... мы... она... ждет ответа.

– Вот как? – надменно бросил Майя и многозначительно

посмотрел на дверь. — Вы можете подождать снаружи.

— Да, ваша светлость, — полузадушенным голосом прошептал мальчик и вышел с видом побитой собаки.

— Сетерис гордился бы тобой, — горько сказал себе Майя и развернул письмо. По крайней мере, оно было лаконичным.

Эригерцогу Майе Драджару, наследнику трона империи Этувераз.

Приветствуем Вас.

Нам необходимо переговорить с Вами относительно посмертной воли вашего покойного отца, нашего супруга, Варенчибеля IV. Несмотря на то, что мы пребываем в глубоком трауре, мы примем Вас сегодня в два часа дня.

С пожеланиями гармонии в семье,

Ксору Драджаран, Этувераджид Джасан.

«Не сомневаюсь, что она ждет ответа», — подумал Майя. В отличие от лорд-канцлера, вдовствующая императрица даже не потрудилась назвать его «светлостью». Он внутренне содрогнулся, представив себе, что именно Варенчибель рассказывал своей пятой жене о ее предшественнице и ее сыне.

В углу за дверью нашлась небольшая конторка. Несмотря на грубость вдовствующей императрицы, он обязан был написать ответ собственной рукой. Точнее, глядя на строчки, выведенные дворцовым писцом, он почувствовал, что обязан *самому себе* написать ей ответ собственноручно. Он нашел бумагу, чернильницу, перо, воск, но печати не бы-

ло. Очевидно, у всех придворных имелись личные печати. Это была одна из принадлежностей взрослой жизни, которую Майя *не* получил в день совершеннолетия. Итак, ему придется обойтись отпечатком пальца и заслужить обвинение в варварских привычках, унаследованных от матери.

«Ну и пусть», – решительно подумал он, обмакнул перо в чернильницу и начал писать.

*Ксору Драджаран, Этувераджид Джасан,
приветствуем Вас и выражаем искренние
соболезнования.*

*К нашему величайшему сожалению, многочисленные
обязанности мешают нам выделить время для
разговора с Вами сегодня днем. Но мы будем рады
принять Вас завтра в десять утра и охотно
выслушаем все, что Вы пожелаете рассказать нам о
нашем покойном отце.*

*До коронации мы будем пользоваться Черепаховой
Комнатой в качестве зала для аудиенций.*

С уважением и наилучшими пожеланиями...

Майя замер. Подписав послание именем, данным ему при рождении, он, таким образом, дал бы Ксору право называть себя «эрцгерцогом». Почему-то только сейчас ему пришло в голову, что вскоре придется выбирать новое имя, и его первой, инстинктивной мыслью было: «Только не Варенчибель».

«Никто тебя не заставляет брать его имя, – думал он, глядя на чернила, высыхающие на кончике пера. – А если ты

действительно решишь назваться Варенечибедем, двор наверняка сочтет это оскорблением памяти покойного императора».

Из отрывочных лекций Сетериса ему было известно, что его далекий предок, Варенечибель I, решил отказаться от политического курса своего отца, Эдревечелара XVI, и для начала исключил из своего имени императорский префикс, содержащийся в именах всех императоров начиная с Эдревенивара Завоевателя. Вместо того чтобы стать девятым Эдренечибедем, он принял имя Варенечибель. Сын и внук последовали его примеру. Правнук (принц своенравный, но не страдавший избытком воображения, сухо сказал Сетерис) бросил вызов зарождавшейся традиции и назвал себя Варевесена. Следующим императором был Варенечибель IV.

А теперь Майя.

Императоры из династии, которую неформально называли «Варедейской», как будто выбранный ими префикс был родовым именем, проводили политику изоляционизма, приближали к себе богатых землевладельцев с востока империи и не видели ничего предосудительного во взяточничестве, nepотизме и коррупции. Сетерис во всех неприглядных подробностях описывал Майе скандал под названием «Черная Грязь», имевший место в правление Варенечибеля III и запятнавший всех, кто имел к этому делу хотя бы косвенное отношение. А также постыдную привычку Варевесены раздавать ничего не значащие, но выгодные политические по-

сты новорожденным детям своих друзей.

– По крайней мере, *его самого* нельзя назвать коррупционером, – неохотно заметил Сетерис, когда речь зашла о Варенчибеле IV. Майя подумал тогда, что это довольно двусмысленная похвала.

Он не желал продолжать какие бы то ни было традиции «Варедейской династии». Например, сама мысль о противостоянии с Бариджаном была ему неприятна и казалась разрушительной, в буквальном и переносном смысле. Даже если бы он *хотел* придерживаться прежнего курса, встреча с Чаваром заставила бы его передумать. Пообщавшись с лорд-канцлером, он понял, что ему не удастся без борьбы завоевать доверие ревностных сторонников отца и его политики.

«Лучше строить новые мосты, – сказал он себе, – чем оплакивать то, что унесло потоком». Он обмакнул перо в чернильницу и тщательно вывел внизу страницы: «Эдрехасивар VII Драдзар». Император Эдрехасивар VI жил примерно пятьсот лет назад, и во время его долгого правления в стране царили мир и процветание.

«Пусть это будет добрым предзнаменованием», – подумал Майя, произнес короткую молитву звездной богине Кстейо, покровительнице магов, сложил и запечатал письмо. Его не покидало тоскливое чувство, что в ближайшем будущем ему не обойтись без добрых предзнаменований.

Мальчик нервно переминался с ноги на ногу на лестничной площадке.

– Вот, – сказал Майя. – Отнесите это *джасанай* и передайте наши наилучшие пожелания.

Глаза мальчика сделались круглыми, и он неуверенно взял письмо. Слуга уловил намек: Майя назвал императрицу «джасанай», а не «джасан». Он не сомневался в том, что ей все передадут. Она могла сколько угодно воображать себя царствующей императрицей, но уже не являлась ею. Она была «джасанай», вдовой императора, и ей следовало понять и принять, что ее судьба теперь зависит от незнакомого папы.

– Ваша светлость, – пробормотал мальчик, поклонился и поспешно ушел.

«Итак, я успел превратиться в тирана», – подумал Майя, вернулся в Черепаховую Комнату и принялся ждать Сетериса и его жену.

Однако он дождался лишь Аттереджа, который явился с охапкой черных и темно-фиолетовых штанов, рубашек и камзолов, украшенных белой вышивкой. Такая одежда была недопустима во время траура по императору, однако ее можно было надеть на похороны слуг. Аттередж сказал, что заупокойная служба по членам экипажа «Мудрости Чохаро» состоится в три часа. Похороны по обычаю полагалось проводить на закате. Вечерние обряды являлись самыми дорогими, и семьям погибших пришлось спешно собирать деньги, чтобы провести церемонию во второй половине дня. Хранитель гардероба также добавил, что он известил Эсаран

о намерениях императора, и эконожка пообещала приготовить карету к половине третьего. Майя готов был разрыдаться от благодарности, слушая единственного обитателя дворца, который не проявлял враждебности и не пытался навязать ему свою волю. Но он знал, что императору не пристало демонстрировать свои чувства, и что подобная вспышка озадачит и до смерти перепугает Аттереджа.

Поэтому Майя стоял неподвижно, с каменным лицом, пока Аттередж, бормоча себе под нос непонятные слова, снимал мерки и возился со складками и пуговицами. В разгар примерки дверь распахнулась, и раздался возмущенный возглас Сетериса:

– Что, Улерис до сих пор не прислал охрану?

– Нет, – ответил Майя.

– А это еще кто?

– Наш хранитель гардероба.

– Значит, он и мазу не прислал.

– Нет. Кузен, что?..

– Мы с этим разберемся, – отрезал Сетерис. – И еще советуем вам как можно быстрее найти замену нынешнему лорд-канцлеру. Похоже, у Улериса на старости лет стало плохо с памятью.

Поскольку сам Сетерис был ненамного моложе Чавара, Майя решил, что для оскорбления имеются веские причины.

– Объясните, кузен.

– Ваша светлость. – Сетерис, наконец, вспомнил о том, как

следует обращаться к императору. – Правитель Эльфийских Земель имеет право, более того, обязан круглые сутки находиться под охраной двоих ноэчарей: телохранителя, отвечающего за безопасность, и мага, оберегающего дух. Особенно сейчас... если вы не откажетесь от этой безумной идеи...

Он кивнул на ворох черной ткани.

– Нет, не откажемся, – заявил Майя. – Мы уверены, у лорд-канцлера множество важных дел. Если вы решите этот вопрос, мы будем вам очень благодарны, и когда вы вернетесь, с удовольствием примем вашу супругу.

– Будет исполнено, ваша светлость.

Сетерис отвесил поклон и ушел.

Майя, как и все жители Эльфийских Земель, знал, кто такие императорские *ноэчарей* – телохранители, давшие клятву умереть, но не допустить, чтобы кто-нибудь причинил вред их повелителю. Один, воин, охранял императора при помощи физической силы и оружия; второй – маза – при помощи силы духа и магии. Время от времени Майе удавалось уговорить кухарку Эдономи рассказать ему что-нибудь интересное. Из этих рассказов он узнал о Ханевисе Атмазе, ноэчарисе императора Белтантиара III, который вступил в магический поединок с Орейвой Узурпатором. Орейва был единственным магом за всю историю страны эльфов, попытавшимся захватить престол. Ханевис Атмаза знал, что Орейва его убьет, но отвлекал узурпатора до прибытия Адремазы, главы *мазэй* Эльфийских Земель. В кон-

це концов, Орейва был обезврежен, но смертельно раненный Ханевис Атмаза скончался на руках у императора. Подростком Майя мечтал стать мазой. Порой ему даже хотелось сделаться личным телохранителем императора, завоевать его любовь. Увы, оказалось, что у него нет способностей к магии (Сетерис сказал, что в этом нет ничего удивительного), и эта мечта тоже умерла.

Но он никогда не мечтал стать императором.

Аттередж продолжал работу, и единственным признаком того, что он слышал разговор Майи и Сетериса, было его молчание. Он перестал бормотать и, видимо, обдумывал ситуацию про себя. Майе оставалось лишь надеяться на то, что отец выбирал в личные слуги мужчин и женщин, умеющих держать язык за зубами. Ему вовсе не хотелось, чтобы содержание этого разговора обсуждал весь дворец. Но попросить Аттереджа никому ничего не рассказывать означало обидеть его и разрушить хрупкое доверие, существовавшее между прислугой и аристократами.

– Ваша светлость, – заговорил Аттередж, распрямившись. – Все будет готово к двум часам. Если это угодно вашей светлости.

– Да. Благодарим вас, Аттередж.

Хранитель гардероба поклонился, забрал одежду и вышел. Майя мрачно подумал, что, судя по событиям сегодняшнего дня, жизнь императора состоит главным образом из сидения в тесной комнате и наблюдения за тем, как слуги

и придворные спуют по дворцу.

– Но это все равно интереснее той жизни, которую ты вел в Эдономи, ведь там никто даже не сновал, – напомнил он себе и улыбнулся. Жалеть себя было глупо.

Он устало опустилсЯ в кресло и подумал, что неплохо было бы подремать перед тем, как настанет время одеваться для похорон. На часах было без четверти десять, но он не мог сказать, рано это или поздно для дневного отдыха. Однако он догадывался, что экономка Эсаран не проникнется к нему любовью, если он потребует приготовить постель в десять утра.

Он потер слипающиеся глаза, а в комнату ворвался полный энергии Сетерис. С сердитым, как обычно, лицом.

– Ваша светлость, мы переговорили с начальником Унт-эйлейанской Гвардии и с Адremaзой. Они найдут вам телохранителей. Они велели передать вам свои извинения. Они уверяют, что искренне раскаиваются, что никоим образом не желали вас оскорбить. Они ожидали, что лорд-канцлер сообщит им о вашем прибытии.

– И вы им верите?

– Ваша светлость...

Сетерис кивнул – очевидно, он считал, что Майя задал вполне естественный вопрос. Он склонил голову набок, подумал немного, и в его глазах появился хищный блеск.

– Мы склонны верить начальнику охраны и главному магу. У них тоже имеются многочисленные обязанности, и мы

надеялись, что Чавар проинформирует их.

– Мы вам очень благодарны за все, кузен, – ответил Майя. Вспомнив ненавистные годы, проведенные в убогом поместье, он подумал, что в этих словах заключена мрачная ирония, но постарался скрыть свои чувства. – Где же ваша супруга?

– Здесь, ваша светлость, – поклонился Сетерис.

Он обернулся к двери и сделал знак рукой. Майя услышал стук каблучков и поднялся с кресла. Переступив порог, Хесеро Неларан присела в глубоком изящном реверансе. Майя увидел реверанс впервые, потому что при императрице Ксору этот старинный знак уважения вышел из моды.

– Ваша светлость, – заговорила она. У нее был негромкий, спокойный голос, совсем не такой, как у вечно недовольного Сетериса.

Хесеро была всего на пару лет моложе мужа, и никакие женские ухищрения не могли скрыть морщинок в уголках ее глаз. Она была в траурных одеждах, принятых при дворе. Поверх длинного черного платья со шлейфом, похожим на змеиный хвост, был надет богато вышитый жакет – черный с фиолетовыми вставками. Гранаты на застежках поблескивали, как капли крови. Прическу поддерживали черные лакированные гребни, шпильки *ташин* и нитки граненых бусин из оникса. Ее лицо и фигуру нельзя было назвать идеальными, но благодаря элегантному наряду, тщательно подобраным украшениям и изящной манере держаться она казалась

привлекательнее молодых красавиц.

После смерти матери и переезда в Эдономи Майя общался исключительно с мужчинами, если не считать толстой кухарки и двух ее костлявых дочек, выполнявших работу по дому. Читая газеты, он внимательно разглядывал картинки в разделе мод, но они не подготовили его к встрече с Хесеро Неларан. Самообладание внезапно покинуло его, он почувствовал себя юным и беспомощным.

– Осмеррем Неларан, – наконец, пробормотал Майя, запинаясь, как простой деревенский парень. – Очень приятно познакомиться с вами.

– Мы рады, наконец, встретиться с вами, ваша светлость. Мы не можем выразить словами свою благодарность за то, что вы позволили нашему супругу вернуться к Унтэйлейанскому Двору. – Она снова склонила голову и вдруг распростерлась перед Майей на полу. Ее движения были полны какой-то особенной грации. – Ваша светлость, мы всецело преданы вам, наша честь и жизнь принадлежат вам.

Она поднялась на ноги, и Майя попытался придумать подобающий случаю ответ, но не сумел и просто сказал:

– Мы благодарим вас, осмеррем Неларан.

– Нам не позволено считать себя вашей кузиной, ваша светлость?

– Кузина Хесеро, – поправился он.

Она тепло улыбнулась ему, и он растаял. Он смотрел на нее, пытаясь сосредоточиться, едва понимая, о чем она го-

ворит. Она спрашивала о дате коронации.

– Полночь двадцать четвертого, – ответил он. Хесеро серьезно кивнула, словно одобряла его решение и тревожилась, что он выберет какой-то другой, неподходящий день.

– Ваша светлость, – вмешался Сетерис, – мы не смеем больше навязывать вам свое общество.

– У нас действительно много дел, – обратился Майя к кухне. Возможно, сыграла свою роль привычка подчиняться приказам Сетериса, скрытым за намеками и двусмысленными фразами. Но прежде всего Майя боялся, что не сможет долго поддерживать разговор с дамой, не выставив себя на посмешище. – Однако мы надеемся, что вскоре нам представится возможность побеседовать с вами снова.

– Ваша светлость, – хором откланялись супруги.

Хесеро снова присела в реверансе, а Сетерис коротко неловко поклонился, как заводная игрушка. Дама удалилась так же грациозно, как и вошла. Майя увидел тонкую молочно-белую косу, которая струилась по спине ниже талии. Сетерис поспешил за женой, и Майя откинулся на спинку кресла, тяжело переводя дыхание и чувствуя себя совершенно обессиленным.

– У тебя нет возможности флиртовать с дамами, – сказал он себе и рассмеялся. Он хотел остановиться, но это было выше его сил. Его трясло от смеха, словно безумца. Тем не менее, он ухитрился вытерпеть несколько минут, не издавая подозрительных звуков, лишь время от времени хватая ртом

воздух. Это было болезненно, как приступ удушья или жестокого кашля, и когда Майя, наконец, перестал смеяться, он понял, что по лицу текут слезы.

Он вытер их и, подняв голову, неожиданно для себя встретился взглядом с суровым молодым мужчиной в одежде воина. Его волосы были собраны в пучок на макушке, портупею украшал герб рода Драджан.

Неизвестный преклонил колени и произнес положенное «ваша светлость», даже не пытаясь скрыть неодобрения.

Майя с ужасом подумал о том, что возможно все это время воин стоял на пороге и ждал, пока император придет в себя и соизволит его принять.

– Пожалуйста, встаньте. Вы – один из наших нозчарей?

– Да, ваша светлость, – ответил воин, поднимаясь на ноги. – Дерет Бешелар, лейтенант Унтэйлейанской Гвардии. Капитан приказал нам служить вам в качестве нозчариса – если, конечно, это угодно вашей светлости.

Майе очень хотелось ответить: «Нет, нам не угодно» и немедленно избавиться от враждебно настроенного солдата с каменным лицом. Но он знал, что не стоит вступать в конфликт с капитаном Унтэйлейанской Гвардии, а какие основания для отказа он мог привести? «Он застал меня корчившимся от хохота на следующий день после трагической гибели отца». Нет, Майя не мог сказать ничего подобного. Кроме того, несмотря на крайнее неодобрение, написанное на лице лейтенанта Бешелара, Майя понял, что тот бу-

дет преданно служить ему. Преданность телохранителя была ему сейчас нужнее, чем дружба.

– Мы не видим никаких причин для недовольства выбором капитана, – сказал он. Солдат произнес обязательное «ваша светлость» не слишком почтительным тоном, и Майя понял, что он расценил эти слова как попытку подольститься.

Он не успел решить, как вести себя дальше – стоило ли перевести разговор на другую тему, или придумать еще какие-нибудь любезные слова, как в комнате раздался незнакомый голос:

– Вот проклятье. Мы так надеялись попасть сюда первыми. Ваша светлость!

Майя, недоуменно моргая, уставился на юношу, стоявшего на коленях у порога. Он тоже носил перевязь с гербом клана Драджада, хотя она выглядела неуместно на потрепанной синей мантии. Когда маг поднялся, Майя заметил, что он еще выше Бешелара. Он был костлявым и нескладным, как новорожденный жеребенок. Единственной привлекательной чертой можно было назвать добрые голубые близорукие глаза. Его лицо уродовали очки с толстыми линзами и длинный крючковатый нос. Волосы были небрежно заплетены в косу, отнюдь не украшавшую мазу, но Майе показалось, что молодого мага все это совершенно не волновало.

Новый телохранитель представился:

– Наше имя Кала Атмаза. Нас послал Адremaза.

Бешелар издал негромкий звук, выражавший раздражение – нечто среднее между вздохом и фырканием. Но маза, казалось, не считал, что должен давать еще какие-то объяснения, а Майя, со своей стороны, счел эту информацию исчерпывающей.

– Мы рады, – ответил он, и, покосившись на воина, объявил:

– После коронации двадцать четвертого числа мы примем имя Эдрехасивар и станем седьмым императором, носящим это имя.

– Ваша светлость, – хором ответили телохранители и одновременно поклонились.

Кала сказал:

– Ваша светлость, на лестничной площадке стоит молодой придворный, который, судя по выражению его лица, не знает, следует ли ему уйти или остаться.

– Впустите его, – приказал Майя, и телохранители расступились. В дверях появился Ксевет.

– Мы просим прощения у вашей светлости. Мы хотели осведомиться, будут ли у вашей светлости еще какие-нибудь приказания.

Майя поморщился, но тут же вернул лицу бесстрастное выражение. Он совершенно забыл о Ксевете, что было проявлением бесчувствия и неблагодарности с его стороны.

– У вас есть какие-то обязанности?

– Ваша светлость, – с поклоном ответил Ксевет, – лорд-

канцлер любезно предоставил нас в ваше полное распоряжение. Разумеется, если это не противоречит воле вашей светлости.

– Да, это действительно очень любезно со стороны лорд-канцлера, – заметил Майя, встретив взгляд Ксевета, и понял, что придворный разделяет его чувства – приятное удивление и некоторую тревогу. – В таком случае, мы будем вам очень благодарны, если вы... – Он взмахнул рукой, пытаясь найти ускользающее слово. – Если вы согласитесь организовать нашу жизнь во дворце.

Он нахмурился, услышав просительные нотки в собственном голосе, но Ксевет не обратил на это внимания.

– Как будет угодно вашей светлости, – ответил он, снова кланяясь. – Мы начнем с... – Он вынул из кармана часы. – С обеда.

Глава 4

Похороны в Улимейре

Храм Улимейре стоял на окраине Кето – города, окружавшего Унтэйлейанский Двор, подобно оправе, которая заключает в себе редкую жемчужину.

Выходя из неуместно огромной и роскошной императорской кареты вслед за лейтенантом Бешеларом и Калы Атмазы, Майя с грустью подумал, что попал в совершенно иной мир.

Храм и ограда кладбища были сложены из красного кирпича. Во многих местах кирпичи потрескались и раскрошились, колонны портика нуждались в побелке, на капителях вили гнезда птицы. Сорняки пробивались сквозь трещины в плитах, которыми была вымощена дорога к храму, а трава на кладбище была такой высокой, что почти скрывала могилы. Навершие памятников были похожи на крошечные островки среди бурного зеленого моря.

– Ваша светлость, – начал Бешелар, – вы уверены?..

– Да, – сказал Майя. – Их гибель – такая же трагедия, как смерть нашего отца.

Кала открыл ворота, и они увидели невысокого тучного прелата в черной рясе и выдавшей виды лунной маске, такого же убогого и потрепанного, как его храм. Священник увидел Майю и его телохранителей, изумленно приоткрыл

рот, и рухнул ничком на ступени. Из полутемного храма доносилось шуршание одежд – прихожане при виде императора преклоняли колени.

«Пора привыкать к знакам уважения, – сказал себе Майя, поднимаясь за Бешеларом и Калой по ступеням храма. – Помнишь, что сказал Сетерис? Теперь ты правитель Эльфийских Земель. Обстоятельства сложились так, что ты унаследовал императорский трон. Или ты предпочел бы погибнуть?»

– Его светлость император Эдрехасивар Седьмой, – провозгласил Бешелар. Майя пожалел о том, что не приказал ему промолчать.

– Пожалуйста, встаньте, – обратился Майя к прелату. – Мы просто желаем почтить память погибших.

Священник переминался с ноги на ногу на пороге, нервно вытирая ладони о рясу.

– Ваша светлость император, – пролепетал он, – мы понятия не имели... то есть, нам никто не сообщил...

«А ведь лорд-канцлер должен был известить их», – устало сказал себе Майя. Он почему-то думал, что ему удастся проскользнуть в храм незамеченным и просто поприсутствовать на службе. Детские мечты, ничего более.

Вслух он сказал:

– Нам жаль, поверьте, очень жаль.

– Ваша светлость! – сквозь зубы прошипел Бешелар.

– Нам хотелось бы выразить соболезнования родственни-

кам и друзьям погибших, — продолжал Майя, повысив голос, чтобы все присутствующие расслышали его слова. — Это большая потеря для всех вас. Мы не хотим, чтобы о них забыли. Мы желаем, чтобы вы поняли: нам не все равно.

— Благодарю вас, ваша светлость, — после паузы ответил прелат. — Мы... видите ли, это очень маленький храм, вовсе не такой, к каким вы привыкли. Но если вы... с этими господами... желаете присутствовать на службе, мы... — Видимо, он имел в виду не только себя, но и прихожан, — мы будем... — Он растерянно смолк. — Это большая честь для нас.

Майя улыбнулся священнику.

— Мы вам очень благодарны. Мы почтем за честь присоединиться к вам.

И он поднялся по ступеням, не обращая внимания на потрясенное лицо Бешелара.

Он хотел было сказать прелату, что храм Улимейре нравится ему, Майе, больше сырого и грязного Отасмейре в Эдономи. Но отказался от этой мысли. Разумнее было говорить как можно меньше, а кроме того, он боялся, что прелат сочтет его слова издевательством. Но он действительно так считал. Да, здание Улимейре было старым и нуждалось в ремонте, колонны давно не красили, однако внутри было чисто и светло. Наверное, служители решили использовать краску для того, чтобы обновить стены. Эльфы и гоблины расступились, не смея поднять глаз. Они были одеты в поношенные черные костюмы, некоторые явно с чужого плеча.

Почти так же выглядел и сам Майя еще утром, когда покидал Эдономи. Казалось, это было много лет назад. В храме собрались родственники и друзья членов экипажа «Мудрости Чохаро» – те, кто их любил; а также родные и близкие слуг, которые погибли вместе с семьей императора. Многие были одеты в ливреи. Майе показалось, что он видел некоторых из них сегодня утром в Алкетмерете. На их лицах были написаны горе и боль, и ему стало грустно, что сам он ничего не почувствовал, узнав о смерти императора. Ему хотелось бы, чтобы отец был достоин его слез.

Прелату не сразу удалось найти в Улимейре место для императора и его ноэчарей и устроить их так, чтобы никого не стеснять и не смущать. Но благодаря терпению и доброй воле прихожан, прелата, императора и его мазы – а также необыкновенному терпению и подчеркнутой вежливости второго телохранителя – вопрос был скоро улажен. Прелат занял место перед алтарем Улиса, таким же ветхим, но чистым, как и остальная обстановка храма, и прощание с погибшими началось.

Прелат произносил положенные слова просто и искренне, в отличие от жеманной и излишне драматичной манеры архиепископа Кето, проводившего заупокойную службу по императрице Ченело. Майю огорчило, что его воспоминания о похоронах матери ничуть не потускнели со временем и остались такими же болезненными. Прошло десять лет, а ему казалось, что матушка умерла совсем недавно.

Императрица Ченело Драджаран скончалась весной того года, когда ее сыну должно было исполниться девять. Его любимая матушка была больна все время, что он ее помнил. Даже ему, малышу, в ту зиму стало ясно, что его поседевшая, исхудавшая до последнего предела мама – умирает. На ее изможденном лице жили лишь ставшие еще больше глаза, а от самого нежного прикосновения на истончившейся коже оставались синяки. Всю зиму и первый месяц весны она безутешно плакала, потому что не хотела умирать, тосковала по родине и отчаянно боялась за сына.

Она вышла замуж совсем юной – едва ей исполнилось шестнадцать – подчиняясь воле отца. Великий Авар Бариджана желал видеть свою дочь императрицей. Несмотря на то что эльфы враждебно относились ко всем чужестранцам без исключения, им было необходимо наладить добрые отношения с Бариджаном, чтобы получить выход к Чадеванскому морю – важному торговому пути. Поэтому советник по иностранным делам убедил Варенечибея согласиться на этот брак.

Незадолго до смерти Ченело сказала Майе, что это было неверное решение, как со стороны ее отца, так и со стороны императора Варенечибея. Правителю государства гоблинов были нужны сыновья, но жена родила ему двух дочерей, одна из которых была полубезумной. Отец не любил Ченело, однако его привлекла идея обезопасить северную границу с могущественным государством, намного превосходившим

по площади Бариджан. Свидетель, ведавший иностранными делами, был амбициозным и жадным. Когда Майе было два года, его осудили за взятки, которые он брал у купцов из Пенчарна. Варенечибель послал Ченело гравюру с детальным изображением казни.

Когда возник вопрос о свадьбе, Варенечибель все еще носил траур по третьей жене, императрице Паджиро, которая скончалась пять лет назад. И ему не следовало бы задумываться о новом браке, тем более с девочкой из страны варваров-гоблинов, годившейся ему в дочери. Еще до бракосочетания придворные придумали чужеземной принцессе жестокую кличку – Пугало. Варенечибель считал ее никчемной, некрасивой и скучной, но отсутствие интереса не переросло бы в ненависть, если бы не брачная ночь. Варенечибелю пришлось выполнить супружеские обязанности, и, хотя это случилось всего один раз, императрица забеременела. Наутро после свадьбы двор получил неопровержимое доказательство того, что Ченело вышла замуж девственницей, поэтому император даже не мог объявить, что ребенок не от него.

Императрица Паджиро умерла в родах, и, возможно, если бы с Ченело произошло то же самое, император простил бы ее. Но она выжила и родила здорового сына, такого же смуглого и уродливого, как она сама. Варенечибель немилосердно заявил, что если она надеялась заменить Паджиро и ее последнего умершего ребенка, она жестоко ошиблась. Как только Ченело оправилась после родов, он сослал ее вместе

с новорожденным в поместье Исваро'э, где она провела последние восемь лет жизни.

Ченело умерла в серый ветреный день в середине весны. Мертвая императрица устраивала Варенечибея больше, чем живая, и он немедленно приказал начать подготовку к пышным государственным похоронам. Великий Авар Бариджана, видимо, разделял его чувства. Все эти годы он не возражал против отвратительного обращения со своей дочерью и не видел ничего странного в том, что муж лег в постель с женой только для того, чтобы зачать сына. Однако Авар был бы смертельно оскорблен, если бы ее телу не воздали подобающих почестей. Затерянный в глуши особняк наводнили секретари, чиновники, священники. Натыкаясь на Майю, они лишь вздыхали и качали головами. Почти все это время он прятался в спальне матери.

Если бы он мог просто лечь и умереть от горя, он бы так и сделал. Матушка была для него всем, и хотя она постаралась подготовить его к своему уходу, он был еще слишком мал и не понимал, что такое смерть. Не понимал до того момента, когда ее не стало; и тогда на сердце у него появилась незаживающая рана, в его душе образовалась пустота, которую ничто не могло заполнить. Он везде искал ее, даже после того, как ему показали тело. Искал и искал целыми днями, но не мог найти.

Он плакал, только когда оставался один, потому что не доверял незнакомым взрослым, которые суетились, наруша-

ли мир и тишину, царившие в Исваро'э, своими громкими голосами, топотом и беспрестанным шумом, сборами и перестановками. А потом настал день, когда они сказали Майе, что ему придется покинуть Исваро'э, посадили на воздушный корабль и привезли к Унтэйлейанскому Двору. Он никогда до конца не верил в существование Двора и считал его выдумкой – местом из легенд, которые рассказывала мать.

А теперь он сидел здесь, в этом маленьком, но опрятном храме лунного бога, который был также богом снов, смерти и возрождения, и вспоминал холодный гигантский зал Отасмейре в императорском дворце, его мраморные стены, среди которых гуляло эхо. В Отасмейре имелись отдельные часовни, посвященные каждому из богов. Но в святилище Улиса не было места для проведения государственных похорон, поэтому гроб Ченело поставили под круглым окном в вершине купола, как когда-то – гробы императрицы Паджиро и императрицы Лешан. Вместо единственного священника в черной рясе там была целая толпа прелатов и каноников во главе с архиепископом в алых одеждах, облака благовоний и множество эльфов с белой кожей и белоснежными волосами в вычурных траурных одеждах. Они стояли молча, с равнодушными лицами. Здесь тоже было тихо. Но не совсем. Майя слышал сдавленные всхлипы, слышал, как шелестели одежды, когда кто-нибудь обнимал плачущего родственника. В какой-то момент, осознав потерю, громко зарыдала девочка, и остальные молча расступились, чтобы отец вывел

ее на улицу. Майя подумал, что десять лет назад никто не сделал бы ничего подобного ради него.

Он помнил, как стоял, стиснув зубы, не моргая, рядом с придворной дамой, который поручили неблагодарное занятие присматривать за ним во время похорон. Ченело, рассказывая сыну о своем браке, старалась не осуждать императора и тщательно подбирала слова, понятные восьмилетнему ребенку. Но страстная любовь к матери открыла ему глаза на многое. Он понял, что в ее смерти виноват отец и все эти придворные, и подумал, что его слезы доставят им удовольствие. Поэтому в тот день он так и не заплакал, но потом целую неделю рыдал в холодной сырой спальне, отведенной ему в Эдономи. Он с горечью подумал, что, наверное, сильно напугал ту придворную даму, и сделал себе мысленную заметку попросить Ксевета найти ее, если это возможно.

Прелат Улимейре выбрал сокращенный вариант заупокойной службы, в отличие от бесконечной церемонии, которой удостоилась Ченело, и которая предстояла Варенечибелю и троим его сыновьям. Самой длинной частью было перечисление имен погибших и оставшихся в живых их родственников. Под конец священник робко взглянул на Майю и неуверенным голосом добавил:

– Император Варенечибель Четвертый, Немолис Драджар, Наджира Драджар, Кирис Драджар, и переживший их император Эдрехасивар Седьмой.

Майя сморгнул с ресниц непрошенные слезы, и, следуя

примеру остальных, сложил на груди руки и поклонился прелату. Ему не было дела до мнения Бешелара, который с неодобрительным видом напряженно топтался рядом.

Когда служба закончилась, Майя понял, что прелат и прихожане испытают лишь смущение и стыд, видя, как их император пробирается через высокую траву к двенадцати свежим могилам. Избежать неловкой ситуации не составило труда: он предоставил Бешелару право распоряжаться, и тот с большой помпой организовал отъезд императора. Майя улыбнулся прелату, и прелат улыбнулся в ответ. Бешелар едва ли не силой отвел императора к карете, подтолкнул туда Калу и уселся сам. Кучер щелкнул кнутом, и карета, громыхая, отъехала от ворот храма.

Минут десять все молчали. У Бешелара было такое лицо, словно он перечислял про себя любимые эпитеты Сетериса – среди которых первое место занимало «безмозглое страшилище». Разумеется, воспитание не позволяло ему выражать свое мнение вслух. Кала с мечтательным видом смотрел в окно – точно так же, как и во время пути из дворца в Улимейре. А Майя, сложив руки на коленях, разглядывал темную кожу на ладонях и грубые узловатые пальцы.

Потом Кала обернулся и спросил:

– Ваша светлость, почему вы пожелали посетить заупокойную службу?

Майе показалось, что этот вопрос задан с искренним интересом, и он ответил:

– Не знаю.

Он знал, очень хорошо знал. Но не хотел говорить об отце ни со своими ноэчарей, ни с кем бы то ни было еще.

«Пусть правда будет похоронена вместе с ним, – подумал он. – Если Эдрехасивар Седьмой публично признается в своей ненависти к Варенечибелю Четвертому, лучше от этого никому не станет».

Но хуже всего было то, что он даже не испытывал ненависти к отцу. Он не мог ненавидеть того, о ком почти ничего не знал. При мысли о том, что Бешелар, услышав правду, будет шокирован его поведением, почувствует к нему отвращение, Майе стало тяжело, словно он был обречен всю оставшуюся жизнь носить на плечах огромный камень.

Внезапно он понял, что забыл о формальном «мы», и что Бешелар *уже* испытывает к нему отвращение. Чтобы не смотреть на воина, он взглянул на Калу и, к собственному изумлению, увидел в голубых глазах сочувствие.

– Ничто не может облегчить утрату, – сказал Кала, – но молчание может сделать ее тяжелее.

– Разговоры не помогают, – отрезал Майя.

Кала немного отстранился, словно кот, которого шелкнули по носу, и в карете снова воцарилось молчание. Кому-то оно могло показаться тяжелым, кому-то – нет, но никто не нарушал его до возвращения во дворец.

Глава 5

Во дворце императора

К концу ужина Майя настолько устал, что у него двоилось в глазах. После возвращения из Улимейре он попросил Бешелара проследить за тем, чтобы решетки Алкетмерета были опущены на ночь, и отказал всем, кто в тот вечер просил об аудиенции.

К его немалой досаде, даже после этого ему не удалось отдохнуть. Во дворце его поджидала неугомонная Эсаран. Экономка не пустила Майю в Черепаховую Комнату, настаивая на том, что это слишком скромное помещение для императора, и потащила его на этаж выше, в Розовую Комнату, больше похожую на парадный зал, в котором можно было заблудиться. Розовая Комната была отделана в темных тонах и обставлена мебелью из черного дерева с обивкой вишневого цвета. Стены были оклеены дорогими обоями из Пенчарна с рисунком в виде роз всевозможных оттенков красного — от алого до багрового. Лепестки роз были обведены золотой каймой.

У Эсаран был заготовлен бесконечный список вопросов, на которые Майя должен был немедленно ответить, и срочных проблем, требующих его внимания. Через некоторое время он уже решил было, что она закончила его мучить, но речь зашла о том, что среди жертв крушения «Мудрости

Чохаро» были эдочарей – императорские камердинеры. По суровому тону Эсаран Майя понял, что и ему не позволят одеваться и принимать ванну самостоятельно, как это было в Эдономи. Она добавила, что Клемис Аттередж уже подготовил новый гардероб и ждет Майю, чтобы подогнуть одежду по его фигуре, и поэтому необходимо прямо сейчас подыскать императору личных слуг.

Майя понимал, что не нравится экономке, но в то же время ему было ясно, что эмоции не мешают ей достойно выполнять свои обязанности. Возможно, она яснее, чем Чавар, осознавала, что император в любой момент может прогнать ее, если она даст ему повод. Но в своем стремлении как можно лучше справиться с порученной ей работой Эсаран была безжалостна, а он так устал, и у него жестоко разболелась голова. Поэтому он просто сказал:

– Мы доверяем вашему мнению и полностью полагаемся на вас в этом вопросе.

Она кивнула с плохо скрытым презрением и на этом оставила его в покое. Вслед за экономкой явился Аттередж и радостно забормотал что-то насчет тканей, расцветок и узоров. Майя понимал примерно два слова из семи. Бешелар и Кала сидели по обе стороны двери, как полагалось императорским нэочарей, и внимательно наблюдали за происходящим. Майе смертельно хотелось сказать им, чтобы они ушли, но он знал, что не может этого сделать. И вряд ли сможет в ближайшем будущем.

Не успел Аттередж закончить с одеждой, как явился Ксевет с перечнем дел, еще более устрашающим, чем список Эсаран. Весть о прибытии нового императора облетела столицу, и во дворец начали стекаться придворные, в том числе Свидетели Кораджаса. Ксевет принес груды писем – некоторые были доставлены по пневматической почте, некоторые оставили стражникам. Ксевет был непреклонен. Император должен был прямо сейчас хотя бы *просмотреть* всю корреспонденцию. Они с Майей устроились за огромным письменным столом, который, как медведь в берлоге, притаился в дальнем углу Розовой Комнаты, и принялись за работу.

Майя понимал, что, унаследовав трон, он сделал шаг навстречу неизвестности, но именно стопка конвертов, доставленная Ксеветом, продемонстрировала ему, насколько рискованным был этот шаг. Некоторые имена были ему знакомы по рассказам Сетериса, он примерно представлял себе, что такое Кораджас, Верховный Суд и Парламент, и, тем не менее, с каждой минутой он все отчетливее осознавал собственное невежество. Ксевет вскрывал конверт, читал письмо вслух, делал паузу и вопросительно приподнимал брови. Майя, вместо того, чтобы отдавать приказы, вынужден был осведомляться, кто автор, и что конкретно ему нужно. Вскоре к процессу просвещения императора присоединились Бешелар и Кала, а Майя сидел, слушал и мысленно проклинал все на свете.

Майя знал о неустойчивом равновесии, точнее, о воору-

женном перемирии, существовавшем между Парламентом, Кораджасом и Верховным Судом, которые поддерживали императорскую власть, подобно шаткой и весьма капризной треноге. Но он лишь приблизительно представлял себе, чем именно занимаются эти учреждения. Он погрузился в этот пестрый мир совершенно неожиданно для себя и едва не захлебнулся в потоке новых сведений. Он представил себе шумную Палату Общин, надменную Палату Высокородных, члены которой до сих пор, спустя много веков после возникновения Парламента, свысока смотрели на *избранников народа*. Ему пришлось вникать в распри членов Верховного Суда: одиннадцать судей прислали ему письма по пневматической почте, и каждое следующее письмо было запутаннее предыдущего. Он узнал имена Свидетелей Кораджаса, советников императора, ни один из которых не соизволил написать ничего ценного, если не считать формальных соболезнований и добрых пожеланий. Однако секретари умудрились истратить на это тонну бумаги и пергамента. Были еще аристократы рангом пониже, придворные, торговцы и чиновники... И среди всего этого безумия император должен был сохранять спокойствие и способность здраво рассуждать?

Хуже всего оказалось письмо от некоего Эшевиса Тетимара, целиком состоявшее из туманных намеков, загадочных фраз и иносказаний. Ксевет пояснил, что Эшевис Тетимар является наследником герцога Тетимеля, одного из богатей-

ших землевладельцев южного Ту-Атамара, но Майе это ровным счетом ничего не говорило.

– Чего же он хочет?

– Мы, разумеется, не можем быть полностью уверены...

– Пожалуйста, хотя бы предположите. Мы вас умоляем.

Ксевет пошевелил ушами.

– По нашему мнению, дач'осмер Тетимар просит руки эрцгерцогини Вэдеро.

Майя с сомнением взглянул на письмо, которое держал в руках.

– Он не упоминает имени нашей сестры.

– Потому что не может, – вмешался Кала.

– Простите?

– Ваша светлость, – начал Ксевет. – После шума вокруг свадьбы эрцгерцогини Немри'ан...

– Да-да, – перебил его Майя.

Слухи и сплетни о браке старшей эрцгерцогини, Немри'ан, дошли даже до Исваро'э. Ему тогда было всего пять лет, но он до сих пор помнил, как горничная матери, экономка и кухарка, затаив дыхание, обсуждали эту тему, а Ченело улыбалась, делая вид, будто не слушает.

– Император поклялся, что не допустит публичного обсуждения брака своей второй дочери вплоть до церемонии.

– И? – подбодрил его Майя.

– И не было никакого обсуждения, – пожал плечами Ксевет. – Все, кто знал о планах императора на этот счет, нахо-

дились на борту «Мудрости Чохаро». Разумеется, за исключением самой эрцгерцогини.

– Наша сестра написала нам?

– Нет, ваша светлость.

Майя поморщился и на секунду прикрыл глаза. Он не ожидал, что его беспокоит *отсутствие* письма.

– Итак, дач'осмер Тетимар...

– Прошупывает почву, ваша светлость, – объяснил Ксевет. – Хочет узнать, что вам известно. Надеется выяснить, не склонны ли вы уступить ему.

– Уступить?

– Дом Тетимада уже несколько десятилетий является головной болью императора, – сказал Ксевет. – В собственных владениях герцоги обладают безграничной властью, а также возглавляют группировку аристократов с востока, настроенных против развития промышленного производства на западе. Нам известно, что Варенечибель стремился найти компромисс с этой фракцией.

– Вот как, – пробормотал Майя. Его мутило от страха. Он чувствовал себя мышью, которая задела пружину мышеловки и в последнее мгновение поняла, что стальной капкан сейчас сломает ей шею. Он стал *императором*. Политические группировки, промышленное производство, компромиссы и война с северными варварами – ответственность за все это теперь лежала на *нем*. Он понимал, что если сделает неверный выбор, могут пострадать и даже погибнуть тысячи под-

данных. И все потому, что их император, молодой и неопытный, не в состоянии выполнять свои обязанности.

– Ваша светлость, – осторожно продолжил Ксевет. – Со стороны дач’осмера Тетимара было большой дерзостью написать вам такое письмо сразу после трагедии. Мы можем ответить ему таким же пространным посланием и при этом не дать никакой информации.

Майя рассмеялся, и ему показалось, что этот смех похож на предсмертный писк задавленной мыши. Но все же это был смех, а не вопль отчаяния. Он решил, что надо расценивать это как небольшую победу.

– Да, пожалуйста, Ксевет. Мы будем вам весьма признательны.

Как только они добрались до последнего письма, вернулась Эсаран в сопровождении трех нервных юношей. Один из них был ровесником Ксевета, двое были лет на пять старше, примерно такого же возраста, как Бешелар. Майя с грустью подумал, что он был здесь самым младшим, но все кланялись именно ему. Какая ирония!

Молодых слуг звали Эша, Немер и Аврис. Эсаран не сочла их родовые имена достойными упоминания. У Эши и Немера были темные волосы и кожа, как у Майи; Аврис был чистокровным эльфом. Юноши были кандидатами на должности императорских эдочарей.

– Если это будет угодно вашей светлости, – закончила Эсаран, приподняв брови, и Майя, заметив, что Немер, самый

младший, вот-вот разрыдается, быстро кивнул. Прежде чем уйти, Эсаран сделала последний, самый коварный выпад:

– Завтра, ваша светлость, шеф-повар явится к вам, чтобы обсудить меню на предстоящую неделю. Сегодня мы взяли на себя смелость приказать ему приготовить что-нибудь простое.

Очередная тяжкая обязанность. Майя пробормотал положенные по этикету слова благодарности.

Ксевет непререкаемым тоном предложил новым слугам отправляться наверх и осваиваться в личных апартаментах императора, а заодно сделать что-нибудь полезное, например, приготовить постель и ванну. Майе были недоступны подобные тактические приемы, и ему оставалось лишь восхищенно смотреть на Ксевета, который ловко избавился от взволнованных слуг, не знавших, как себя вести. Выпроводив эдочарей, Ксевет обратился к императору:

– Ваша светлость, есть еще одна проблема.

– Вот как?

– Вероятно, не слишком уместно говорить об этом сейчас, но мы не можем...

Майя сложил руки на коленях, приказал себе выпрямить спину и придать лицу невозмутимое выражение.

– Говорите же, – предложил он.

– Письмо от лорда Тетимара навело нас на эту мысль, – продолжил Ксевет. – Ваша светлость, вы должны задуматься о браке.

– *О браке?* Но я еще даже не коронован! То есть, я хочу сказать...

Внезапно он понял, что нарушил сразу несколько правил придворного этикета, и прикусил язык.

– Именно ваш брак сейчас на уме у большинства придворных, – заметил Ксевет.

– Особенно у тех, у кого есть дочери на выданье, – цинично вставил Бешелар.

– Но мы не желаем жениться, – чуть не плача, возразил Майя. Хотя бы на этот раз он вспомнил, что необходимо говорить о себе во множественном числе.

– Рано или поздно вам придется подыскать себе жену, если, конечно, вы не намерены объявить своим наследником Идру Драджара. Однако мы бы не советовали вам этого делать.

– Вам известно нечто, дискредитирующее нашего племянника?

– Как это возможно? Он еще ребенок. Нет, ваша светлость, мы вспомнили царствование Белмаливена Пятого.

Майя понял, в чем дело. У Белмаливена V, который взошел на престол после внезапной смерти своего брата Белмаливена IV, было двое племянников, поэтому он не стал разводиться с любимой, но бесплодной супругой. На второй год царствования *сторонники* старшего племянника низложили, а потом убили Белмаливена. Племянник был коронован под именем Белвесена XI и шесть лет сидел на троне в ка-

честве марионеточного императора, пока его не изгнал собственный брат, Белмаливен VI. Точная дата и обстоятельства смерти Белвесены не были известны, но историки сходились во мнении, что он скончался вскоре после коронации брата, и что его смерть была насильственной.

– Вы считаете, нам необходимо решить эту проблему в ближайшее время? – с несчастным видом спросил Майя.

– Ваша светлость, – ответил Ксевет, – мы полагаем, что вы должны морально подготовиться к разговору о свадьбе, который очень скоро заведут Свидетели. Кроме того, нужна информация о предполагаемых невестах, чтобы не вышло так, как с покойным императором, который не раз заключал невыгодные браки под влиянием своих советников.

Майя поморщился, и Ксевет в ужасе вцепился в край стола.

– Ваша светлость, нижайше просим у вас прощения. Мы не хотели...

– Ничего, мы все понимаем. Кроме того, вы совершенно правы. – Он ощутил приступ паники: сердце колотилось о ребра, холодные липкие пальцы сдавили шею, в горле пересохло. Он с трудом сглотнул. – Посоветуйте, как нам следует действовать.

– Позвольте нам сначала собрать сведения, – предложил Ксевет. – Разумеется, если вы желаете довериться нам.

«Я же должен кому-то довериться», – подумал Майя.

– Да, пожалуйста.

– Мы сделаем все необходимое.

Головная боль усиливалась, но, прежде чем Ксевет успел перейти к очередному *вопросу*, на пороге появился один из подчиненных Эсаран и объявил, что ужин подан. Майя от всего сердца возблагодарил богов. Ксевет рассыпался в извинениях, и Майя был избавлен от необходимости выяснять, на сколько персон Эсаран велела накрыть стол. Император, в отличие от простых смертных, принимал пищу в одиночестве, пока его ноэчарей охраняли двери столовой.

На ужин подали бульон с яйцом, запеканку из угря и вяленые капустные листья. Майя жевал, не чувствуя вкуса еды, но из какого-то неведомого источника сумел почерпнуть силы для того, чтобы улыбнуться служанке – очередной полукровке, и попросить передать комплименты шеф-повару и его помощникам. Десерт состоял из шербета, вкус которого напомнил Майе о зиме. Глотая сладкий лед, он жалел о том, что не может приложить его к вискам. Голова раскалывалась от боли. Он не успел отказаться от ликера и после первого глотка обратился к телохранителям:

– А вы когда будете есть?

– Ваша светлость? – вздрогнув, переспросил Бешелар. Кала, до этого сидевший с отсутствующим видом, перевел взгляд на лицо императора.

– Вы должны поесть, – сказал Майя. – Когда вы будете ужинать?

– После того, как вы отойдете ко сну, ваша светлость, –

ответил Кала. — Мы принимаем пищу по очереди: один теплохранитель ест, другой охраняет вас. Вы не должны беспокоиться о таких вещах.

— Не могли бы вы... начиная с завтрашнего дня... ужинать с нами?

Как он и ожидал, Бешелар был шокирован. Кала улыбнулся:

— Начиная с завтрашнего дня, ваша светлость, вы уже не будете ужинать в одиночестве.

— Ах да, — буркнул Майя и осушил рюмку. — Как глупо с нашей стороны было забыть об этом.

Кала негромко откашлялся.

— Из рассказа господина Айсава мы поняли, что ваша светлость не спали вчера ночью.

— Почти, — ответил Майя, подавляя желание потереть глаза. Веки жгло, он почти ничего не видел.

— В таком случае осмелимся предложить вашей светлости отправиться отдыхать. Ваши эдочарей ждут в спальне, чтобы помочь вам, и, улегшись в постель, вы сможете с чистой совестью и со спокойной душой вообразить, что мы ужинаем.

— Ваша светлость, — сказал Бешелар. — Кала Атмаза ведет себя легкомысленно, но к его предложению стоит прислушаться.

На то, чтобы сдержать смех, у него ушли остатки сил. Майя прикусил губу и поднялся. У него болело все тело, ноги и руки налились свинцом, но, к счастью, он сумел выйти

из-за стола самостоятельно.

– Благодарим вас, – пробормотал он.

Он поднимался по лестнице, а телохранители шли по обе стороны от него, совсем близко, и ему это не слишком нравилось. Им пришлось подняться на два пролета по винтовой лестнице Алкетмерета, прежде чем они добрались до императорской опочивальни, где ждали Эша и Аврис. Несколько мгновений телохранители и камердинеры неуверенно рассматривали друг друга. Майя, слишком уставший для того, чтобы вдаваться в тонкости этикета, заговорил:

– Кала, вы не останетесь?

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – ответил маг.

Бешелар холодно отдал честь и ушел.

Эдочарей были молодыми и излишне волновались, но дело свое знали. Они расплели волосы Майи, помогли ему снять одежду – и все это так быстро и ловко, что он даже не успел застесняться своей наготы, худого тела, серой кожи. Через несколько мгновений он был одет в ночную рубаху, легкую, как облачко, и слуги принялись расчесывать и убирать его волосы на ночь.

Один из них – скорее всего, Эша, подумал он, хотя он не мог быть в этом уверен, все смешалось у него в голове – сообщил, что они проветрили перину и одеяло, поменяли постельное белье. Последним, что он помнил, было прикосновение подушки к щеке, потом чьи-то руки накрыли его одеялом, и он мгновенно уснул.

Один раз за ночь он все-таки проснулся – ему приснился бессвязный кошмар, в котором Сетерис говорил, что его мать находится среди горящих обломков «Мудрости Чохаро». Из темноты донесся чей-то голос:

– Ваша светлость?

– Кто здесь? – сиплым со сна голосом воскликнул Майя.

– Это Кала. Судя по всему, вам приснился дурной сон.

Все в порядке.

– Кала, – повторил Майя и вспомнил добрые голубые глаза. – Спасибо.

И он снова откинулся на подушки. Он падал и падал в бездну забытья – такой же беспомощный, как «Мудрость Чохаро», несущаяся к земле.

Часть вторая

Коронация Эдрехасивара VII

Глава 6

Вдовствующая императрица

Майю разбудил яркий солнечный свет. Он открыл глаза и несколько секунд лежал, ничего не понимая. Он находился явно не в своей спальне в Эдономи и не в детской поместья Исваро'э, которую почти не помнил. Кровать и полог были роскошными. Судя по узору на парче – дерущиеся кошки, герб клана Драджада – он проснулся в одном из дворцов, принадлежавших отцу, но...

А потом Майя вспомнил, что произошло вчера, и куда он попал, и решил, что все это ему снится.

Эта мысль принесла огромное облегчение.

Скоро он проснется в Эдономи, на узкой кровати с продавленным матрасом, и, возможно, даже не вспомнит этот невероятный сон. А если и вспомнит, это научит его довольствоваться своей участью и не желать того, чего нельзя получить.

«Суровый, но ценный урок», – сонно подумал Майя и успокоился. Скрипнула дверь, и он приподнялся на локте,

почему-то испугавшись, что это Сетерис пришел сообщить о прибытии императорского посланника.

Но это оказался крепко сбитый темноволосый юноша в ливрее с гербами дома Драджада. Майя вспомнил его имя – Немер. Он слегка встревожился, увидев, что Майя не спит, несколько раз моргнул и почтительно доложил, что его послали узнать, какой чай его светлость император предпочитает на завтрак.

«Милосердные богини, пусть это будет *сон*». Но это был не сон.

– Ромашковый, – пробормотал он. Матушка любила ромашковый чай, а Сетерис терпеть его не мог. – Спасибо.

– Ваша светлость, – согнувшись пополам, продолжал Немер. – Вы желаете завтракать в постели или...

– Нет, – перебил его Майя. Сидя в этой огромной кровати в одной рубашке, он чувствовал себя маленьким и уязвимым. – Мы оденемся, спасибо.

– Доброе утро, ваша светлость, – донесся голос из дальнего угла, и Майя вскрикнул от страха и едва не свалился на пол.

Это был Бешелар. Очевидно, он устроился в углу, потому что оттуда просматривалась вся спальня, комната неправильной формы. Конечно же, это был Бешелар, чьим главным талантом, судя по всему, было умение смущать императора и заставлять его чувствовать себя неотесанной деревенщиной.

– Вы что, *никогда* не спите? – воскликнул Майя, не сумев скрыть раздражения.

– Ваша светлость, – ответил Бешелар, – вчера на это не было времени, но сегодня Адремаза и капитан Ортема, по всей видимости, найдут смену для меня и Калы Атмазы. Если их кандидатуры будут угодны вашей светлости, мы будем охранять вас по очереди. Но *мы* ваши Первые Ноэчарей, – воскликнул он с неожиданной горячностью, подчеркнув слово «мы». Несомненно, он имел в виду и себя, и Калу.

Майе захотелось спрятать лицо в ладонях и заплакать от стыда. Мысленно он проклинал Бешелара, в то время как воин выполнял нелегкую работу, за которую он, Майя, даже не догадался поблагодарить своего телохранителя.

«Ты уже стал заносчивым, – сказал он себе. – Счел само собой разумеющимся то, что стражники должны круглосуточно охранять тебя». И какой-то тихий, коварный голосок добавил: «Как и подобает императору». Майя решительно вскочил с кровати.

Эша и Аврис словно только этого и ждали: они появились в дверях и сообщили, что ванна готова, что даченсол Аттередж и его ученики работали всю ночь и прислали несколько костюмов, а также просили уверить его светлость в том, что одежды для коронации будут готовы вовремя. Эти слова и суэта слуг вокруг его персоны расстроили Майю еще больше. Но он пошел за ними, печально рассматривая то, чего не заметил вчера от усталости.

С помощью нескольких искусно расставленных ширм из матового стекла императору создавали иллюзию уединения в ванной комнате. Он принял ванну, оделся, после чего Аврис причесал его. К изумлению и досаде своих эдочарей, он полностью отказался от украшений.

– После коронации, – сказал он. На самом деле он предпочел бы никогда не носить драгоценностей. Они напоминали ему об отце.

Майя завтракал в присутствии телохранителей и той же боязливой служанки, которая подавала ему ужин. Едва он успел отпить глоток чая, дверь отворилась, и вошел Ксевет, нагруженный очередной охапкой писем. Майя, который в это время угрюмо размышлял о драгоценных камнях, не дал Ксевету заговорить о делах:

– К кому нам обратиться по поводу нашей императорской печати?

– Ваша светлость, – приветствовал его Ксевет и положил стопку писем на край стола. Служанка налила ему чаю.

– По традиции, этот вопрос находится в компетенции лорд-канцлера.

– Правда? – задумчиво переспросил Майя.

– Лорд-канцлер отвечает за изготовление личных печатей, – тщательно подбирая слова, подтвердил Ксевет.

– Чем вы вчера запечатывали письма, отправленные от нашего имени?

– Печатью дома Драджда, – сказал Ксевет. – Нам кажет-

ся, едва ли кто-нибудь осмелится утверждать, что письма поддельные.

— Едва ли, — согласился Майя, и Ксевет, казалось, немного успокоился. — Мы не думаем, что лорд Чавар лично изобретает изображения для печатей.

— О нет, разумеется, нет. Это входит в обязанности дачен-сола Хабробара.

— Вы не могли бы... то есть, нам следует призвать дачен-сола Хабробара для обсуждения этого вопроса, или?..

— Мы все устроим, ваша светлость.

— Благодарим вас, — вздохнул Майя. — Мы видим, что вы принесли новые письма.

— Да, — кивнул Ксевет. — Свидетели — не единственные, кого обеспокоило нежелание императора явиться придворным.

— А нам следует сделать это? — спросил Майя. — Дать аудиенцию?

— Нет, ваша светлость, — успокоил его Ксевет. — Придворным не помешает небольшая встряска. И скоро они все равно увидят вас. — Он вежливо кашлянул и заметил: — *Вдовствующая императрица* написала вам.

Майя, поглощенный другими заботами, почти забыл о вдовствующей императрице. Взглянув на часы, он понял, что уже через час ему придется ее принять.

— Мы согласились дать ей аудиенцию в десять часов, — объяснил он. — Она писала нам вчера.

– Ваша светлость очень добры, – пробормотал Ксевет и подал ему письмо.

Майя сломал печать и прочел:

*Эригерцогу Майе Драджару,
наследнику трона империи Этувераз.
Приветствуем Вас.*

*Нас крайне разочаровал Ваш холодный ответ.
Теперь мы видим, что рассказы покойного
императора, Вашего отца, о Вашем характере,
которым мы не до конца верили, считая их
предубеждениями представителя старшего поколения,
в действительности вполне правдивы.*

*Мы будем в Черепаховой Комнате в десять утра.
С надеждой и сочувствием,
Ксору Драджаран, Этувераджид Джасан.*

Майя довольно долго размышлял над этими строками, затем спросил:

– Вдовствующая императрица... какая она?

– Ваша светлость, – Ксевет снова деликатно кашлянул. – Она очень молода и несколько... сумасбродна.

– Ксевет, умоляем вас, выражайтесь яснее!

Секретарь поклонился.

– Императрица – избалованная женщина, ваша светлость. Она молода и красива, и покойный император относился к ней как к кукле. Она добивалась своего с помощью слез и истерик, а когда слезы перестали действовать на пожилого, уставшего от жизни мужчину, который похоронил трех жен,

в ход пошли недомогания: обмороки, головокружение, нервное истощение. Она жаждала власти, но ваш отец был слишком умен, чтобы допустить ее к управлению империей.

– В таком случае, сейчас она ищет пути получить желаемое?

– Да, ваша светлость, весьма вероятно.

Повисло молчание, холодное и тяжелое, как льдина. Майя набрал воздуха в легкие и спросил:

– Какого мнения придерживался о нас покойный отец?

Он заметил, что Ксевет в страхе покосился на Бешелара, и понял, что ему лучше было бы этого не знать. Но...

– Мы должны это услышать. Мы не можем общаться с теми, кто судит о нас по рассказам нашего отца, не зная, что о нас думают.

– Ваша светлость, – едва слышно прошептал Ксевет, не поднимая головы. – Вы знаете, что он не любил вашу матушку.

– Да, – вздохнул Майя. – Мы знаем.

– Со своими приближенными он не обсуждал ни ее, ни вас, ваша светлость, но при дворе ходили разные слухи. Некоторые от слуг. Другие, боюсь, распространяла сама императрица Ксору.

– Зачем?

– От скуки. Из мелочной злобы, любви к дворцовым скандалам. Большая часть этих историй – ложь, и мы настоятельно советуем вашей светлости не обращать на них внимания.

– А остальная часть?

Он знал, что загнал Ксевета в угол, и ему стало жаль придворного и стыдно за себя. «Вот каково быть императором, – подумал он. – Не забывай об этом».

Ксевет капитулировал с присущими ему изяществом и тактом.

– Покойный император говорил – иногда на публике, – что члены правящей династии Бариджана деградировали из-за близкородственных браков. В частных беседах он утверждал, что императрица Ченело безумна, и что вы унаследовали от нее душевную болезнь. Он часто употреблял слово «противоестественно», хотя никто точно не может сказать, что он имел в виду.

– И ему верили?

– Ваша светлость, все знают, как сильно покойный император любил императрицу Паджиро. Также всему двору известно, что скоропалительный брак с вашей матушкой был навязан ему Кораджасом. Тот факт, что вас поселили в Эдономи, породил многочисленные слухи, особенно в последние годы.

– Итак, по мнению Унтэйлейанского Двора, мы умственно отсталое, больное существо, потомок дегенератов. – Он не смог сдержать горькой усмешки, и Ксевет нахмурился.

– Ваша светлость, стоит лишь взглянуть на вас, чтобы понять, что это не так.

– Вопрос в том, – пробормотал Кала, – кто из них возьмет

на себя труд *взглянуть*.

Бешелар взглянул на мага так, словно хотел прожечь его взглядом, но Ксевет лишь виновато пожал плечами. Майя понял, что Кала вовсе не ехидничал – он просто говорил правду.

Майя решил, что, продолжая этот разговор, он лишь испортит себе утро, унизит Ксевета и ноэчарей, настроит их против себя. Поэтому он спросил наигранно деловитым тоном:

– Есть ли срочные письма, которые нам следует прочесть до прихода Ксору Джасанай?

Конечно же, срочные письма были, и Майя попросил Ксевета спуститься с ним в Черепаховую Комнату. Ксевет устроился за письменным столом, Майя сел у камина, а терпеливые Кала и Бешелар, как обычно, охраняли дверь, в которую никто не собирался врываться.

На этот раз работа с письмами давалась Майе легче. Продемонстрировав помощнику всю глубину своего невежества, он уже не стеснялся задавать вопросы. Под руководством Ксевета, который, оказывается, служил императорским курьером с тринадцати лет, Майя учился расшифровывать смысл посланий, скрытый за пространными льстивыми фразами и тонкими намеками, и составлять ответы. А также понимать, в каких случаях отвечать не следует. Сначала его немного раздражала манера Ксевета бросаться именами, названиями политических группировок и мудреными фраза-

ми, но Ксевет вовсе не кичился своей осведомленностью и действительно был рад помочь. И Майя строго сказал себе, что секретарь работает добросовестно и не виноват в том, что императору хочется выместить на ком-то свое дурное настроение.

Даже без подсказок придворного Майя догадался о том, что самым важным было письмо от посла Бариджана. Он сразу заметил его среди корреспонденции. Не потому, что это послание было написано на пергаменте – старшие придворные до сих пор предпочитали пергамент, – но потому, что оно, в отличие от остальных, было свернуто в трубку. Свиток был перевязан шелковой лентой цвета сливы, продетой в продолговатую пряжку из слоновой кости. Когда до свитка дошла очередь, Ксевет вопросительно посмотрел на Майю.

– Ваша светлость лучше нас осведомлены об обычаях Бариджана, – сказал он.

Майя покачал головой и поморщился, заметив удивление придворного.

– Наша матушка умерла, когда нам было восемь лет. Она не разговаривала с нами на языке бариджин и почти ничего не рассказывала о своей родине. Мы считаем, что ей это запретили.

Он хорошо помнил моменты, когда мать пыталась восстать против запретов отца, но их было ничтожно мало.

Ксевет нахмурился, и уши поникли.

– Мы знаем, что *несечо*... – он постучал ухоженным ногтем по пряжке из слоновой кости, – несет особый смысл, но символика гоблинов нам неизвестна. Также мы ничего не знаем об их узлах.

– Неужели во дворце нет никого, кто может нам помочь? – спросил Майя, подумав о множестве слуг с темной кожей, которых он видел в Алкетмерете.

– Разумеется, ваша светлость, – живо подхватил Ксевет и поклонился. Майе показалось, что секретарю понравилась его находчивость. – Мы узнаем.

Минут через десять он вернулся в сопровождении мужчины средних лет.

– Это Ошет, ваша светлость, – доложил Ксевет с торжествующим видом охотничьей собаки, которая принесла хозяину подстреленную утку. – Он работает в саду. Ошет прибыл к Унтэйлейанскому Двору пять лет назад в свите посла, и посол предложил вашему отцу, императору, взять его на службу, поскольку он весьма искусен в разведении роз.

– Ваша светлость, – пробормотал Ошет, упал на колени и склонил голову. Его кожа была совершенно черной; голову он брил наголо, поэтому Майя сразу заметил стальные кольца у него в ушах. Даже Майя знал, что украшения из стали носят моряки.

– Поднимитесь, пожалуйста, – приказал Майя.

Ошет повиновался. Это был крепкий мускулистый мужчина, на голову выше Ксевета. Его руки были испещрены

шрамам и царапинами, и под ногтями чернела земля. У него были типичные для гоблинов глаза навывкате и массивная, выдающаяся вперед нижняя челюсть. Сетерис в свое время не устал повторять Майе, как ему повезло унаследовать строение черепа от отца-эльфа.

– Мер Айсава объяснил, что нам нужно? – спросил Майя.

– Да, ваша светлость.

Глаза у Ошета были ярко-оранжевые, что в сочетании с угольно-черной кожей создавало странное пугающее впечатление. Но Майя знал, что его внешность – темно-серое лицо и очень светлые глаза, как у всех эльфов рода Драджада – ничем не лучше.

– *Несечо*, да?

– Да.

Майя взял со стола свиток пергамента с лентами и пряжкой и протянул его Ксевету, а тот, в свою очередь, передал письмо Ошету. Садовник осторожно провел грубым пальцем по узлу, присмотрелся к крошечной звериной мордочке, вырезанной на пряжке из слоновой кости. Потом вернул свиток Ксевету и убрал руки за спину.

– Итак? – спросил Ксевет.

– Солнечный кот, – сказал Ошет.

– Как вы сказали? – удивился Майя.

– Этот зверек. Солнечный кот. Такие живут на южном побережье. Дружелюбные. Любознательные. Ловят змей и крыс. Их берут на корабль. Приносят удачу.

Майя протянул руку, и Ксевет подал ему свиток. Внимательно изучив *несечо*, он заметил, что солнечный кот играет с канатами. Резчик по кости сумел придать кошачьей мордочке веселое выражение.

– И что это значит? – нетерпеливо воскликнул Ксевет.

Ошет пожал могучими плечами.

– Приносит удачу, – повторил он. – Дружба. У нас тоже есть *несечо*. Лучший друг подарил, когда мы ушли с корабля.

Он потянул за веревочку, укрепленную на поясе, и вынул из кармана медальон из слоновой кости. Он был немного больше, чем пряжка с фигуркой кота на свитке. Майя узнал животное по круглой чешуйчатой спине еще до того, как Ошет перевернул талисман и показал широкую ухмыляющуюся мордочку тангриши с высунутым языком.

– Тангриша защищает от бед, – объяснил Ошет. – Солнечный кот... – Он наморщил лоб, вспоминая нужные слова. – Пожелание большого счастья!

Майе хотелось задать садовнику еще множество вопросов: о *несечо*, о его корабле, о том, зачем было послу Бариджана ни с того ни с сего отправлять императору пожелание «большого счастья», но Ксевет не позволил ему отвлекаться от дела.

– А узел?

– Узел для важного послания, – сказал Ошет, убирая свой талисман. – Послания к императору.

– Есть какие-то правила? – неуверенно спросил Майя. –

Можем ли мы разрезать узел, или это считается оскорблением?

Ошет приподнял брови, произвольно дернул ушами, и стальные кольца звякнули.

– Нет нужды, ваша светлость. Потяните за золотую бусину. Узел развяжется. – Он помолчал, потом добавил: – *Несечо* – это ценный дар, всегда.

На конце ленты действительно была укреплена золотая бусина. Майя сначала подумал, что это просто украшение.

«Еще один шанс почувствовать себя полным невеждой», – сказал он себе и потянул за ленту. Несмотря на слова садовника, он почему-то удивился, когда узел мгновенно развязался. Он снял со свитка ленту и *несечо* и быстро сунул их в карман, боясь услышать, что нарушает протокол.

– Благодарим вас, – обратился Ксевет к садовнику. – Вы можете идти.

Ошет кивнул Ксевету и отвесил Майе низкий поклон.

– Ваша светлость.

– Благодарим вас, Ошет, – сказал Майя и вовремя вспомнил, что нужно улыбнуться. Потом развернул пергамент.

Письмо было написано уверенным почерком, некрупным, четким, с красивыми завитушками. Явно не рукой секретаря. Майя прочел вслух первую строку: «*Нашему дорогому родственнику, светлейшему императору Эдрехасивару VII*». Он поднял взгляд от письма и потрясенно уставился на Ксевета.

– Родственнику?

На этот раз даже Ксевет растерялся.

– Посол не связан кровными узами с Аваром.

– Должно быть, он имеет в виду нашу бабушку со стороны матери, – предположил Майя. – Но мы даже не знаем ее имени и ничего не знаем о ее семье.

– Он никогда прежде не упоминал ни о чем подобном, – холодно заметил Ксевет.

– Вряд ли прежде это можно было счесть политическим капиталом, – ответил Майя. Он тоже хотел говорить презрительно, но у него не получилось. Его слова прозвучали безрадостно. – Что ж, посмотрим, что нужно от нас нашему *родственнику*.

Письмо было коротким.

Нашему дорогому родственнику, светлейшему императору Эдрехасивару VII. Приветствуем Вас.

Выражаем Вам глубочайшие соболезнования и заверяем Вас в том, что Бариджан не намерен настаивать на заключении торгового соглашения, по поводу которого мы вели переговоры с Вашим покойным отцом. Мы от всей души надеемся на то, что в ближайшем будущем нейтральные отношения между Бариджаном и Этуверазом перейдут в дружеские.

Ваш покорнейший слуга

Ворджис Горменед,

Посол Великого Авара

при дворе императора Этуверазы.

Майя с надеждой взглянул на Ксевета. Он чувствовал, что тщательно подобранные слова имеют некий скрытый смысл, но не мог понять, чего добивается посол.

Ксевет перечитал текст несколько раз, нахмурился и сказал:

– Интересно, получил ли посол Горменед одобрение своего правительства, прежде чем отправить это письмо.

– Вряд ли у него было на это время, – заметил Майя.

– Да, – сказал Ксевет. – Вот именно.

– Значит, вы считаете...

– Всем известно, что Великий Авар высоко ценит решительность и инициативу – когда они приводят к успеху. Мы осмелимся предложить вашей светлости ответить послу, чтобы его отказ от претензий по торговому договору стал документально подтвержденным фактом.

Майя уже уяснил: все, что говорит император, должно быть задокументировано.

– Неужели этот торговый договор был таким невыгодным для нас?

– Если Горменед считает, что вы будете рады отказаться от него – да, – откровенно ответил Ксевет. – Мы наведем справки в канцелярии Свидетеля по иностранным делам и попросим предоставить нам текст.

– Да, сделайте это, пожалуйста. И посоветуйте нам, как ответить нашему... родственнику.

– Да, ваша светлость, – кивнул Ксевет и начал фразу за

фразой разбирать письмо дипломата.

Без пяти десять Бешелар поднялся со стула и объявил:

– Ваша светлость, идут наши сменщики.

– О, слава богам и богиням, – буркнул Кала и подавил зевок.

Молодые эльфы – тщательно одетый, чопорный лейтенант гвардии и неряшливый маг с рассеянным взглядом – во многом оказались похожими на Первых Ноэчарей. Тем не менее, мантия второго мага была новее, чем у Калы – не такой выцветшей. И прическа смотрелась аккуратнее. Майя заметил, что новый лейтенант, Телимедж, боится Бешелара не меньше, чем императора, в то время как маза Даджис беспокоился лишь о том, чтобы Кала отправиться отдыхать.

– Не волнуйтесь, – пробормотал Кала, снова делая над собой усилие, чтобы не зевнуть. – Возможно, я и рассеянный, Даджис, но не железный. Ваша светлость.

Майя отпустил воина и мага, отогнав безумную мысль попросить их остаться. Бешелар и Кала нуждаются в заслуженном отдыхе, – напомнил он себе. А он, Майя, не должен вести себя, как ребенок, оторванный от матери, не должен бояться своих новых телохранителей.

«Кроме того, тебе следует возблагодарить судьбу за то, что ты ненадолго избавился от Бешелара», – мысленно упрекнул он себя и обернулся к секретарю.

До начала аудиенции они успели поработать еще с двумя письмами. Наконец, из-за двери донесся стук каблучков, шо-

рох одежд и голоса, означавшие запоздалое прибытие вдовствующей императрицы Ксору Драджаран.

Благодаря Ксевету Майя представлял, чего следует ожидать, и сумел сохранить невозмутимость. Ксору Драджаран остановилась на пороге между телохранителями и подняла вуаль тщательно отрепетированным жестом, достойным оперной дивы. Ксевет был прав, сравнивая вдовствующую императрицу с куклой: она была маленькой и хрупкой, на лице в форме сердечка сверкали огромные глаза редкого темно-синего цвета. Майя также отметил, что вдове отца не больше двадцати лет.

Вспомнив Хесеро Неларан, Майя понял, что Ксору одета кричаще и безвкусно. Видимо, при личной встрече она хотела подчеркнуть свой статус при помощи наряда, считая, что оскорбительных намеков недостаточно. Ее жакет был густо расшит серебряными нитями, отчего напоминал белые императорские одежды, которые она уже не имела права носить. Волосы, убранные в модную прическу со множеством пучков и переплетающихся косичек, выглядели бы лучше без блестящих черных бусин величиной с ноготь большого пальца. Майе неприятно было смотреть на них – они напоминали ему жуков.

Кроме того, он обнаружил, что совершенная красота молодой женщины, которую он заранее невзлюбил, волнует его меньше, чем грация Хесеро.

Он неторопливо поднялся с кресла, чтобы поприветство-

вать вдову отца, и она коротко кивнула ему. Она не выказала никаких иных знаков уважения к императорской персоне, и Майя по-детски обрадовался, заметив неприязнь на лицах Телимеджа и Даджиса.

Ксору осмотрелась, и ее взгляд задержался на Ксевете.

– Кто это?

– Наш секретарь, – пояснил Майя.

– О!

Она, казалось, тут же забыла о его существовании. Ксевет явно оскорбился. Женщина смотрела на Майю молча, с недовольной гримаской.

Наконец, Майя заговорил:

– Если нам не изменяет память, Ксору Джасанай, *вы* желали нас видеть.

Она ответила:

– Мы надеялись, что вы прислушаетесь к нашим советам. – Ее тон говорил о том, что надежды потерпели жестокое крушение.

– Какой же совет вы желали нам дать?

– Мы не думаем, что вы нас слушаете, – сказала она, потряхнув головой. Со стороны императрицы такой жест выглядел странно и неприлично.

Майя вежливо помолчал, потом заговорил:

– В таком случае, мы хотели бы обсудить с вами вопрос, касающийся нашей чести и нашего суверенитета.

Ксору оживилась, Ксевет встревожился.

– Меррем, вы больше не можете называть себя Этувераджид Джасан, и, поскольку у вас нет детей, вы не можете надеяться стать ею. Если, конечно, вы не носите ребенка, о чем нам неизвестно.

Ксевет издал странный сдавленный звук, а Ксору гневно воскликнула:

– Мы супруга императора!

– Вы *вдова* императора. Вы можете сохранить титул императрицы лишь в том случае, если зачали ребенка от моего отца. В противном случае вам придется расстаться с ним.

– Нет, я не ношу ребенка, – мрачно сказала она. – Но у вас нет императрицы.

– Это не означает, что титул принадлежит вам, – возразил Майя. – Меррем, удовольствуйтесь титулом «Джасанай», поскольку именно ею вы и являетесь. Просим также обращаться к нам «Эдрехасивар Джас». Если, конечно, вы намерены остаться при Унтэйлейанском Дворе.

Ксору молчала, и Майя понял, что она обдумывает новую стратегию. Через несколько секунд она склонила голову и произнесла гораздо тише и смиреннее:

– Эдрехасивар Джас, вы должны простить вдову, убитую горем.

– Мы вас прощаем, но только в случае, если горе не побудит вас нанести очередное оскорбление императору или дому Драджада. Если вы настолько потрясены случившимся, что не находите в себе сил соблюдать приличия, возмож-

но, вам стоит некоторое время пожить за городом. Мы с удовольствием предоставим в ваше распоряжение одно из наших поместий.

Ксору распахнула глаза и опустила уши. Намек был весьма прозрачен – без сомнения, ей были известны судьбы первой жены Варенчибея – Арбелан Драджаран и его четвертой жены – Ченело.

– Ваша светлость, – сказала она, низко кланяясь, – благодарим вас за сочувствие, но мы считаем, что вдовствующей императрице не следует проявлять слабость.

– Как вам будет угодно, – сказал Майя. – Мы очень заняты, Ксору Джасанай. У вас есть срочные вопросы к нам?

– Нет, ваша светлость, – ответила она. – Благодарим вас.

Ксору не выбежала из комнаты, но покинула ее уже не так величественно, как вошла. Мужчины некоторое время молчали, слушая удалявшийся стук ее каблуков.

– Ксевет, – задумчиво протянул Майя. – Вы не могли бы написать Арбелан Драджаран в Кетори и пригласить ее на нашу коронацию?

– Да, ваша светлость, – кивнул секретарь и сделал пометку в своем списке.

Глава 7

Могила императрицы Ченело

Оставшуюся часть утра и несколько часов после полудня Майя и Ксевет провели за разбором корреспонденции. Они решили, что с большинством проблем и вопросов следует подождать до коронации, после которой положение императора укрепитя, и тогда ни у кого не возникнет ни малейших сомнений в его правах. Увидев новое послание от Эшевиса Тетимара, Ксевет нахмурился и пробормотал:

– Какая дерзость!

Сказано это было достаточно громко для того, чтобы Майя расслышал. Также пришло письмо от Сетериса, который жаловался, что его не впустили в Алкетмерет.

«Рано или поздно тебе придется выяснить отношения с Сетерисом», – устало сказал себе Майя. Но Ксевет уверил его в том, что отказ принимать кого бы то ни было перед коронацией не может считаться неуважением. И Майя собственноручно написал бывшему наставнику ответ, пообещав дать ему аудиенцию после того, как он официально станет императором и сможет покинуть Черепаховую Комнату.

Ксевет принялся составлять любезные, но бессодержательные ответы императорским советникам, а Майя в компании Телимеджа и Даджиса отправился по делам.

Для начала ему хотелось осмотреть Алкетмерет от подва-

ла до верхнего этажа и познакомиться со слугами. Услышав о слугах, Эсаран не поверила своим ушам и с оскорбленным видом поджала губы, но Майя решительно выставил вперед подбородок и сказал, что настаивает.

– Император, ваш батюшка... – начала экономка, но он оборвал ее.

– Мы желаем знать, кто нас обслуживает, – сказал он.

Эсаран неохотно уступила, но Майя видел, что она недовольна. И все-таки Майя не пожалел о размолвке с Эсаран. Он узнал, что застенчивую девушку, которая прислуживала ему за столом, зовут Ишейан, узнал имена всех прачек и уборщиц, конюхов, судомоек и садовников. Оказалось, что при Алкетмерете был сад, не относившийся к хозяйству Унт-эйлейанского Дворца, и что там выращивали множество сортов роз. Весной и летом вокруг башни витал их чудесный аромат. Майе показалось, что Ошет проявил неслыханную дерзость, подмигнув императору. Шеф-повар оказался вовсе не таким страшным, каким его представлял себе Майя. Это был пожилой мужчина с длинными белыми усами, похожий на доброго дедушку. Его звали Эбремис, он почтительно расспросил Майю о его любимых и нелюбимых блюдах и внимательно выслушал ответы. Майя постарался поменьше говорить о кухне Эдономи, где хозяйничал скупой Сетерис, требовавший угождать исключительно собственным вкусам, однако Эбремис о многом догадался из его недомолвок, и Майю охватило неприятное, унижительное чувство.

В подвале Алкетмерета он увидел девушек, которые сидели среди путаницы пневматических трубок, служивших средством связи при Унтэйлейанском Дворе, и некоторое время с интересом наблюдал, как они работают. Вернувшись в Черепаховую Комнату, он вспомнил нервного пажа Ксору и спросил Ксевета, почему обитатели Двора вместо пневмопочты пользуются услугами личных курьеров.

Ксевет приподнял брови.

– По разным причинам, ваша светлость. Например, желая сохранить тайну.

– Вот как... Нет. Дело не в этом. Письмо было от Ксору Джасанай.

– Что ж, – протянул Ксевет, – очевидно, отправитель желал быть уверенным в том, что письмо попадет в руки адресата. И, конечно, хотел немедленно получить ответ. Возможно, также это означало, что отправитель считал свое послание исключительно важным и очень срочным.

– Разумеется, – сказал Майя, и Ксевет едва не рассмеялся, но вовремя опомнился.

В тот вечер за ужином Майя улыбнулся Ишейан, и она улыбнулась ему в ответ.

Едва служанка убрала со стола, доложили о прибытии лорд-канцлера. Он ворвался в столовую как ураган. Майя даже не успел предложить ему стул и рюмку ликера – он начал довольно непочтительным тоном в мельчайших подробностях описывать ритуал коронации императора. Среди про-

чего Чавар упомянул о посте и медитации:

– Император предается медитации в течение дня в особой подземной часовне. Архиепископ проводит вас туда. По традиции, император выбирает двух близких друзей, которые сопровождают его в часовню и обратно во дворец. Поскольку у вас нет друзей при дворе, вы должны взять с собой ближайших совершеннолетних родственников мужского пола. Это маркиз Имель, супруг вашей сестры Немри’ан, и Сетерис Нелар.

– Мы... – начал Майя, но Чавар продолжал, не слушая его:

– На закате начинается собственно ритуал коронации.

Чавар принялся перечислять архаические фразы и жесты, и Майя не смог вставить ни слова, чтобы сказать, что ни при каких обстоятельствах не позволит Сетерису Нелару играть какую бы то ни было роль в обряде коронации. Самодовольный вид и покровительственный тон Чавара – *«конечно, у тебя нет друзей, чуело пучеглазое»* – не просто раздражили Майю, но вывели его из себя. «Чавар мне не опекун, – подумал он, – и я уже не в Эдономи. Я могу сам принимать решения, могу делать, что мне угодно. И он не сможет мне помешать». Он выслушал Чавара внешне спокойно, ничем не выдавая, что у него есть собственные планы, отличные от навязанных лорд-канцлером.

Когда толстяк, наконец, убрался, Майя заговорил со своим секретарем о другом деле, которое он должен был совершить прежде, чем его коронуют под именем Эдрехасивара

VII. Это было личное дело, и ему пришлось выдержать спор с Ксеветом и охранниками, прежде чем они позволили ему отправиться туда, куда он желал пойти. Телимедж, который внезапно взял на себя роль оратора, искренне уверял его, что они ни в коем случае не критикуют его светлость и его чувства, но нельзя, чтобы некоронованного императора во время траура видели шатающимся по коридорам.

– Мы желаем не *шататься по коридорам*, – сердито возразил Майя. – Мы желаем увидеть могилу нашей матушки, которую нам запрещали посещать в течение последних десяти лет, со дня похорон. По нашему мнению, император, который *не навещает* могилу матери, шокирует окружающих сильнее, чем тот, кто ее *навещает*.

Упрямый Ксевет настоял на том, чтобы позвать э дочарей и посоветоваться с ними по этому вопросу, но, как ни странно, они поддержали своего хозяина.

– *Конечно*, ваша светлость может посетить могилу императрицы, – сказал Немер и съехался под уничтожающим взглядом Авриса. Хотя Аврис и Эша не выражали преданности императору так открыто, как Немер, Майя догадался, что они разделяли его взгляды. Слуги сказали, что такой визит не будет нарушением этикета, если император согласится закрыть лицо.

– Вам не следовало отправляться в Улимейре без покрывала, ваша светлость, – строго сказал Эша. – Мы уже сделали выговор Аттереджу.

– Мы согласны на все, – воскликнул Майя, – если это позволит нам совершить то, чего мы так страстно желаем.

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – сдался Ксевет.

В последний раз Майя носил траурную вуаль десять лет назад. От нее сильно пахло кедром, и она царапала ему лицо. Вуаль, принесенная слугой, была легкой, как паутинка, от нее исходил тонкий аромат сушеного шалфея и лаванды, которые эдочарей раскладывали в шкафах и комодах императора. Вуаль держалась на голове при помощи бронзовых шпилек с черными эмалевыми головками, на которых был изображен символ рода Драджада. Майя почувствовал странное спокойствие, когда Аврис, укрепив ткань на волосах, опустил вуаль ему на лицо.

Поскольку Унтэйлейанский Двор пребывал в трауре, коридоры были практически пусты; однако Телимедж сказал Майе, что в обычное время придворные прогуливаются по галереям по меньшей мере до полуночи. Немногочисленные встречные низко кланялись Майе, не глядя ему в лицо, и спешили прочь. Даже не оборачиваясь, он буквально чувствовал спиной их любопытные взгляды.

Отасмейре Унтэйлейанского Двора, или Унтэйленейзе'мейре, представлял собой величественное белое здание с большим куполом, который поддерживали колонны, похожие на стволы вековых деревьев. Старинные газовые фонари в виде стеклянных шаров со множеством граней давали тусклый свет, а между колоннами таились странные злове-

щие тени. Внутри было холодно, еще холоднее, чем на открытых нижних этажах Алкетмерета.

Саркофаги усопших из дома Драджада располагались в два ряда между кольцом колонн и внешней стеной храма. Майя не смог их сосчитать, их было слишком много; тем не менее, круг не замыкался, и у стены оставалось свободное пространство. Место для Варенечибея было уже выбрано, хотя мрамор для саркофага еще не доставили из карьера, расположенного на одном из островов Чадеванского моря. На месте будущей усыпальницы громоздилась гора букетов – в это время года в основном искусственных. Однако Майя заметил несколько хризантем, ронявших лепестки на шелковые розы и лилии.

Могила второй, третьей и четвертой жен Варенечибея находились во внешнем круге. Императрицы Лешан, Паджиро и Ченело скончались, не достигнув тридцати лет. Стилизованные барельефы на крышках саркофагов, изображавшие умерших, совершенно не передавали внешнего сходства и тем более ничего не говорили о том, какими женщины были при жизни. Майя провел кончиками пальцев по белой мраморной щеке фигуры, украшавшей могилу матери – жест такой же символический и бессмысленный, как и сам саркофаг.

Потом он опустился на колени, откинул с лица вуаль. Он знал, что Телимедж и Даджис наблюдают за ним из-за ближайшей колонны, но ему было все равно. У него не было

слов для матери, не было подношения, лишь чувство, которое нельзя было облечь в слова. Он чувствовал, что должен почтить память матери прежде, чем его отцу воздадут публичные почести. Он подумал: интересно, что испытала бы мать, узнав о его неожиданном возвышении – гордость за него, печаль? Печаль, решил он; богатство и титул не принесли ей ничего, кроме унижений и горя.

В конце концов, он прошептал:

– Я здесь.

Что еще он мог сказать? Ее не было в живых десять лет, и все слова, которые он так хотел сказать ей, все разговоры с матерью, которые он мысленно вел долгими холодными ночами в Эдономи, сейчас представлялись ему жалким детским нытьем. «Даже если бы она услышала, – подумал он, – это бы лишь расстроило ее». Он сложил руки на груди и поклонился саркофагу. Перед ним была не матушка, а белая каменная фигура, но он все равно должен был оказать ей положенные почести.

Он поднялся, опустил на лицо вуаль и в этот момент вспомнил, что не сказал самого главного. Он прикоснулся к ее имени, вырезанному на каменной плите, и произнес негромким, но ясным голосом:

– Я люблю тебя.

Потом он отвернулся и пошел навстречу телохранителям, которые ждали его в круге света.

Глава 8

Коронация Эдрехасивара VII

Будущий император Эдрехасивар VII начал готовиться к коронации в шесть часов утра двадцать третьего числа.

Он не завтракал, поскольку перед церемонией полагалось соблюдать пост. Ему приготовили горячую ванну с душистыми травами. От их резкого запаха щипало глаза, а во рту еще долго чувствовался странный привкус. Даджис караулил у дверей, а Эша и Немер помогли Майе облачиться в длинное, бесформенное белое одеяние без рукавов под названием «кеб». Этот старинный предмет одежды теперь использовался только в обрядах посвящения магов и церковнослужителей, а также во время коронации. Майя, привыкший носить облегающие штаны и стеганые куртки, чувствовал себя неловко. Обычай запрещал надевать что бы то ни было под эту мантию, и ему было неприятно показываться перед посторонними в таком виде – как если бы ему пришлось ходить по дворцу в ночной рубаше.

Аврис долго и тщательно расчесывал непокорные кудри Майи, распутал и распрямил локоны. Результатом его работы стали прямые влажные пряди, спадавшие на спину. Эша нащупал что-то в стене гардеробной, панель отъехала в сторону, и открылось потайное отделение. Слуга извлек из тайника тяжелый дубовый ларец, в котором хранились импера-

торские драгоценности. Он с грустью заметил, что некоторые предметы были утеряны во время катастрофы воздушного корабля, и что придется заказывать новые украшения, а это всего лишь Малые Драгоценности, Мичен Мура. Большие Драгоценности, или Дачен Мура, никогда не покидали Унтэйлейанского Двора.

Майе пришлось смириться и терпеть, пока на него надевали украшения: множество серебряных колец с нефритами и лунными камнями; серебряные браслеты с темными изумрудами-кабошонами, похожие на наручники; серьги с бледно-зелеными нефритами; ожерелье из лунных камней и овальных гладких изумрудов, которое плотно обхватывало шею; и, наконец, серебряную диадему с лунными камнями. Он отказался от предложенного Немером зеркала, потому что боялся не узнать самого себя, не хотел смотреть на чужое лицо. И еще он опасался, что увидит в зеркале своего отца.

В соседней комнате ждали Кала, Бешелар, Телимедж, Ксесет и Чавар, а также архиепископ города Кето, Адремаза и капитан Унтэйлейанской Гвардии. При виде Майи все преклонили колени. Даджис занял место рядом с Телимеджем, все поднялись, и Чавар с Майей взяли за руки так, что один держал в правой руке правую руку другого, а в левой – левую. Чавар задал Майе три ритуальных вопроса, на которые Майе следовало ответить правду. Адремаза и капитан должны были засвидетельствовать его ответы.

Вопросы касались даты рождения, имени отца и почитае-

мого божества. Майя ответил: день зимнего солнцестояния; Немера Драдзар, Кстейо Кайрейджасан – Госпожа Звезд. Он чувствовал себя принцем из волшебной сказки. Майя помнил множество рассказов матери, в которых главному герою приходилось отвечать на такие же вопросы. Только в сказках вопрос о божестве звучал иначе. Ему казалось, что он слышит голос матери с мягким бариджанским акцентом:

– Чей ты сын?

И свой собственный детский голос, с восторгом отвечающий:

– Сын звезды.

Очередной вопрос Чавара вернул его к действительности. В сказках такого вопроса не задавали.

– Под каким именем вы намерены вступить на престол?

– Эдрехасивар Седьмой, – ответил Майя.

Чавар до сих пор не спрашивал его о новом имени, и хотя Майя не делал из этого тайны, лорд-канцлер, видимо, просто не счел нужным поинтересоваться. Возможно, он не до конца верил в то, что коронация все-таки состоится. Церемония приостановилась, и Чавар уставился на Майю, беззвучно шевеля губами:

– *Вы уверены?*

Майя твердо встретил взгляд лорд-канцлера и повторил громче, как будто Чавар его просто не расслышал:

– Эдрехасивар Седьмой.

На этот раз Чавар выдавил положенный ответ, после чего

Адремаза и капитан Унтэйлейанской Гвардии засвидетельствовали слова будущего императора. Чавар выпустил руки Майи.

Ведущая роль в церемонии перешла к архиепископу. Священнослужитель, который проводил службу на похоронах Ченело, скончался два года назад, суровой зимой, каких не помнили даже старожилы. Нового архиепископа звали Теру Тетимар. Сейчас на нем не было маски в знак того, что прелат и император равны. У священника было лицо аскета и упрямый подбородок. Майя подумал, что он довольно молод для такого высокого сана. У него был красивый тенор, мелодичный, как журчание весеннего ручья, и он говорил об очищении и отречении от прошлого так, словно действительно верил собственным словам.

Ритуал должен был снять с Майи груз прошлого и сделать его свободным, чтобы он мог беспрепятственно вступить в новую жизнь. Сейчас он не принадлежал ни миру простых смертных, ни миру императора. Архиепископ сказал, что во время бдения ему надлежит очистить душу и обрести спокойствие, и сурово спросил, кто будет сопровождать его до дверей часовни, где он должен будет избавиться от оков своего прежнего «я» и подготовиться к превращению в новую личность.

Майя ответил без колебаний.

– Кала Атмаза и Дерет Бешелар.

Архиепископ застыл с приоткрытым ртом. На этот раз Ча-

вар не выдержал:

– Ваша светлость, это недопустимо!..

Майя возразил:

– Вы считаете, что можете указывать мне, что допустимо, а что – нет, Чавар?

Стало очень тихо. Присутствующие оцепенели от страха, никто не смел пошевелиться. Майя спокойно, но твердо произнес:

– Я им доверяю.

Они ездили с ним в Улимейре, поэтому ему казалось, что они должны присоединиться к нему и сейчас, во время этого символического «путешествия».

Чавар брызгал слюной, но Тетимар, который, очевидно, соображал быстрее, взял себя в руки и кивнул в знак согласия. Кала и Бешелар приблизились к Майе и остановились по обе стороны от него, почти как обычно, с той лишь разницей, что раньше они следовали за императором на шаг позади, а сейчас стояли плечом к плечу. Тетимар спокойно сказал:

– Следуйте за мною.

Майя, Кала и Бешелар вышли вместе со священником из комнаты, оставив придворных в такой растерянности, что они сделались похожими на актеров, которые вдруг забыли слова пьесы.

Архиепископ молча спустился по главной лестнице Алкетмерета в большой круглый зал с полом, выложенным разноцветными мраморными плитами. Он пересек зал и при-

близился к двум пилястрам, находившимся напротив дверей, которые соединяли Алкетмерет с общественными помещениями Унтэйлейанского Двора. На полу между пилястрами стоял ничем не примечательный подсвечник с горящей свечой. Майя не заметил, что именно сделал Тетимар и на что он нажал, но внезапно одна пилястра опустилась назад, и в стене образовался узкий проход. Пилястра превратилась в мост, ведущий во тьму. Тетимар ступил на мост первым, за ним последовали Бешелар и Майя, а Кала замыкал цепочку. Крашеное дерево под босыми ногами Майи было прохладным и слегка шероховатым, а когда он случайно прикоснулся к каменной стене коридора, то почувствовал ледяной холод.

Они несколько раз повернули направо, потом налево. Майя решил, что за стенами коридора находятся дворцовые помещения. Однако идти пришлось недолго, и вскоре коридор вывел их к винтовой лестнице. Лестница оказалась очень крутой и такой узкой, что Майя мог бы при желании обхватить руками центральную колонну. Перил у лестницы не было. Свеча архиепископа освещала лишь несколько ступеней. Майя осторожно начал спускаться, опираясь одной рукой о стену, а второй – о колонну. Почти сразу у него закружилась голова. Непривычные тяжелые украшения раздражали, оттягивали руки. Ему хотелось снять все эти драгоценности и оставить их прямо здесь, на ступеньках. Пусть их забирают пауки или призраки, думал он. Кроме колец и брасле-

тов, его раздражало отсутствие обуви, и еще он ежеминутно боялся поскользнуться на влажных ступенях. Ни архиепископ, ни телохранители как будто бы не испытывали никаких неудобств, и он разозлился на них за это как ребенок.

Спустившись по лестнице, они прошли через вестибюль размером с кладовку и очутились в часовне для бдений. В отличие от привычных Майе храмов с куполами, у этой часовни был сводчатый потолок. Стены были расписаны символическими изображениями богов. Семь божеств были известны Майе, остальных он не знал.

Холодный каменный пол, судя по всему, недавно вымыли, и кое-где он еще был влажным. В нише у входа журчал источник, струйка воды стекала в природное углубление в полу. Откуда-то снизу доносился глухой шум – это ручей превращался в подземную реку.

Под высокой аркой, служившей входом в храм, висел фонарь. Тетимар зажег его от своей свечи и торжественно произнес:

– Это освященная вода. Вы можете пить ее. Мы вернемся на закате.

Священник и телохранители отошли к лестнице и начали подниматься обратно, в мир живых. Майя стиснул зубы. Ему хотелось кричать, умолять их остаться, не бросать его одного в темноте. Оставленный ими фонарь, жестокое напоминание о том, что где-то там, наверху, светит солнце, лишь усугублял его отчаяние. Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как

удаляется огонек свечи, и медленно сосчитал до ста. Открыв глаза, он оглядел темную сырую нору, скрытую под тоннами камня, прислушался к абсолютной тишине и подумал: «Вот что значит быть императором».

Он попил, главным образом для того, чтобы успокоиться, и сел в центре часовни, скрестив ноги. Майя постарался отключиться от окружающей обстановки и принялся терпеливо ждать.

Когда умерла мать, Майя был слишком мал, чтобы перенять ее склонность к мистицизму, присущую жителям Бариджана. Однако она научила его некоторым простым упражнениям, которые могли бы служить опорой живому беспокойному ребенку. Сетерис был последователем модного агностицизма и терпеть не мог «всякого вздора». Так что Майя цеплялся за учение матери в основном из упрямства. Сетерис часто запирал его в комнате в наказание за нарушение строгих правил, и со временем Майя обнаружил, что дыхательные упражнения помогают успокоиться и справиться со скукой. В последние два дня он не делал упражнений, но ведь у него не было...

Майя сбился с ритма и закашлялся. Ему показалось, что в часовне не хватает воздуха. В этот момент он окончательно понял, что навсегда лишился свободы, что он не сможет побыть в одиночестве больше ни минуты до конца жизни. Он предполагал, точнее, отчаянно надеялся на то, что император все же имеет право остаться в спальне наедине с жен-

щиной... Но он знал, что в остальное время его будут постоянно окружать посторонние. Даже за решетками Алкетмерета повсюду сновали слуги, а если слуги уходили, оставались ноэчарей. Несмотря на то что обязанности телохранителей в современном мире были чисто символическими, император не мог от них избавиться. Он представил себе, как теряет девственность под критическим взглядом Бешелара, и его охватил приступ истерического смеха. Через некоторое время он успокоился, но тяжесть на сердце осталась. Он не сможет остаться один, не потребовав, чтобы его оставили в покое. Не сможет приказать охране и слугам оставить его в покое, не объяснив причины. Придворным и чиновникам не понравится император, склонный к мистицизму. Возможно, они сочтут клеветнические измышления Варенчибея справедливыми.

«А может, у тебя получится медитировать при телохранителях? – предположил он неуверенно, как нянька, предлагающая конфету бьющемуся в истерике ребенку. – Кала не будет смеяться над тобой, не проникнется к тебе презрением и никому ничего не расскажет». Но он понимал, что это невозможно.

Он устроился поудобнее, сделал глубокий вдох, снова постарался забыть о мирской суете и изгнать из головы посторонние мысли. Мать научила его молитве, которую можно было повторять как мантру:

– Кстейо Кайрейджасан, услышь меня. Кстейо Кайрей-

джасан, посмотри на меня. Кстейо Кайрейджасан, загляни в мою душу.

Смертные не могли просить у Госпожи Звезд большего. Она дарила тем, кто почитал ее, ясность мысли и способность проникать в суть вещей. Но к ней не обращались с молитвами о милосердии и защите от бед.

Он повторял молитву в определенном ритме. В детстве он проговаривал ее очень быстро, так что, в конце концов, она превращалась в бессмыслицу. Ченело смеялась вместе с ним, потом ласково говорила, что смысл молитвы состоит не в том, чтобы проговорить ее как можно быстрее, и не в том, чтобы произнести ее как можно большее количество раз за пять минут.

– Смысл в том, чтобы *быть* в ней, – говорила матушка. Тогда эти слова казались Майе бессмысленными, но теперь он понял. В целом мире существовали только он сам, мантра и холодная безмолвная подземная часовня. Время от времени он поднимался и обходил комнату, осторожно прикасался к стене рядом с изображениями богов, выпивал пригоршню воды. Вода была холодной, у нее был слабый металлический привкус, но для Майи она имела вкус спокойствия, к которому, по словам архиепископа, он должен был стремиться.

Прошло несколько часов, и Майя услышал какие-то ритмичные звуки. Это были не слова молитвы, не биение его сердца, это были голоса воды и камня. Он прислушался к ним и услышал новую мантру, мантру без слов, которая зву-

чала то громче, то тише, поднималась и опадала, как морская волна. Он слышал шепот звезд, луны и облаков, реки и солнца, песнь, которую пела сама земля, слышал сердцебиение мира. Он прижал ладони к каменному полу и с молчаливым восторгом внимал мантре вселенной.

Постепенно чудесная песнь стихла, и Майя вернулся к реальности, почувствовал боль во всем теле, холод, голод и жажду. Он хотел подняться с пола и едва не упал – ноги затекли от долгого сидения в одной позе. Он снова сел, выпрямил ноги, подождал немного, осторожно поднялся и медленно подошел к нише у выхода. Майя набрал пригоршню воды, напился, сунул обе руки в каменную чашу и ахнул – вода была ледяной. Но это помогло ему прийти в себя. В голове прояснилось. Он медленно обошел часовню, пошевелил пальцами ног, ощутил холод каменных плит.

На третьем круге Майя заметил, что в часовне стало немного светлее. Сначала это привело его в замешательство, словно он увидел в небе второе солнце, но вскоре он понял, что это свеча архиепископа. Он вспомнил о бремени долга, которое ему предстояло отныне нести, и у него подогнулись ноги. Ему показалось, что его придавила гигантская каменная плита. По крайней мере, он заранее узнал о приближении придворных. Он расправил плечи, заставил себя поднять уши, придал лицу невозмутимое выражение. Когда архиепископ появился под аркой, Майя стоял в центре часовни с прямой спиной, надменно подняв подбородок, и бешеный

стук его сердца был слышен лишь ему самому.

Священнослужитель поклонился, и Майя ответил поклоном. За спиной Тетимара он увидел Бешелара и Калу, и присутствие телохранителей напомнило ему, что в будущем его ждут не только трудности и опасности. Майя воспрянул духом и сказал себе, что это было верное решение, выбрать Первых Ноэчарей в качестве сопровождающих. Они вернулись во дворец в молчании; на этот раз за Тетимаром следовал Кала, а Бешелар замыкал цепочку. На одной из верхних ступеней Майя споткнулся, но Бешелар подхватил господина под локоть и не дал ему упасть.

Закрыв потайной ход, Тетимар поклонился и ушел готовиться к церемонии. Кала и Бешелар проводили Майю наверх, в его покои, и передали личным слугам, которые принялись за дело под наблюдением Телимеджа.

Кала и Бешелар поклонились и отошли к дверям, но Майя даже не заметил этого – эдочарей суетились вокруг него, словно огромные бабочки в черных ливреях. Они избавили его от украшений и белого одеяния и снова усадили в ванну – на этот раз обычную, без травяного настоя. Майя позволил себе расслабиться в горячей воде, которая размыла воспоминания о встрече с «живой скалой» в подземной часовне и в то же время, как ни странно, сделала их более яркими. Он утратил чувство времени, словно больной, три дня пролежавший в лихорадке, но почувствовав, что вода остыла, и открыв глаза, он увидел перед собой Немера. Камердинер

извиняющимся тоном произнес:

– Ваша светлость, пора.

Они вытерли его и помогли одеться во все белое: белоснежное белье; белые чулки и белые туфли, белые бархатные штаны; белую шелковую рубашку. Поверх рубашки надели не обычный стеганый жакет, а длинную белую парчовую мантию с подкладкой – самое роскошное одеяние, виденное Майей за всю его жизнь.

«Скоро я возненавижу белый цвет», – с горечью сказал он себе.

Но пока что он был околдован красотой этих одежд.

Аврис заново расчесал и распрямил его волосы, стянул их в «хвост» на затылке, потом соорудил из этого «хвоста» множество тонких косичек, вплел в них белые ленты и нити жемчуга. Вновь достали шкатулку с Малыми Драгоценностями, но на этот раз Майю украсили только опалами и жемчужинами: они были вправлены в кольца, браслеты, серьги, ожерелье. К счастью, обошлось без диадемы, потому что Этувераджид Мура, императорская корона, ждала его в тронном зале, словно чудовищная невеста.

Эдочарей не спешили. Когда они закончили свою работу, и Майя вышел из гардеробной, часы на каминной полке показывали девять вечера.

«Осталось три часа», – подумал Майя, но не успел решить, много это или мало, потому что Чавар потребовал его внимания.

Началась следующая часть ритуала – принесение обетов. Первыми давали клятвы его ноэчарей – Кала, Бешелар, Даджис и Телимедж. Теперь они были связаны с ним до конца жизни, а после смерти их должны были похоронить вместе с ним, точно так же, как ноэчарей его отца, которым предстояло лечь в могилу рядом с погибшим императором.

Затем настала очередь членов Кораджас, или Свидетелей. Майя понимал, что ему досталась относительно простая роль: ему нужно было всего лишь сидеть в массивном неудобном кресле в огромном зале для аудиенций на первом этаже Алкетмерета и принимать руки, которые ему протягивали. Свидетелям же пришлось освежить в памяти древние клятвы и вышедшие из употребления слова и выражения и без запинки повторять их. Поскольку Варенчибель правил довольно долго, Майя решил, что никому из них до сегодняшнего дня не приходилось приносить эти обеты дважды.

Кораджас состоял из девяти Свидетелей, каждый из которых управлял собственной маленькой империей. Свидетели опускались на колени, и Майя слушал их клятвы, размышляя о том, кто из них искренне обещал преданно служить ему, а кто, подобно Чавару, был предан лишь памяти Варенчибея. После советников клятву верности будущему императору принесли Адремаза и капитан Унтэйлейанской Гвардии. Капитан являлся одновременно священником и рыцарем Анмуры, поэтому он был облачен в мантию, маску и доспехи. Он немного напугал Майю своим свирепым видом и

ГОЛОСОМ.

После него в зал вошли пять принцев. Майя, у которого кружилась голова от голода и волнения, запомнил лишь безумные глаза принца Ту-Атамара. Когда принц произнес слова клятвы, Майя наклонился вперед и очень тихо сказал.

– Вы ни в чем не виноваты, и никто не возлагает вину на вас; вы не должны брать на себя это бремя.

Принца, казалось, не успокоили, а скорее встревожили эти слова, но в следующую секунду его лицо приняло задумчивое выражение. Направляясь к выходу, он все еще слегка хмурился и смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

Майя страшился встречи с представителями клана Драджада лишь немного меньше, чем самой коронации. Первой подошла вдовствующая императрица, за ней последовали его сводные сестры Немри’ан и Вэдеро, вдова и трое детей его сводного брата Немолиса, невеста его сводного брата Кириса. Наконец, к нему приблизилась Арбелан Драджаран, первая жена Варенечибеля. Император разошелся с ней по причине ее бесплодия тридцать лет назад, но не освободил ее от родственных связей с домом Драджада. Ксору и Шеве’ан, принцесса Унтэйлейанского Двора, приняли вид оскорбленного достоинства и исподтишка бросали на нее презрительные взгляды. Бывшая жена императора делала вид, что не замечает этого.

Арбелан было за шестьдесят. Это была высокая женщина с сияющими синими глазами, державшаяся очень прямо. Ря-

дом с ней Ксору еще больше напоминала куклу, а Немри'ан и Шеве'ан казались капризными девчонками. Стэно Баджевин, невеста Кириса, ничем не выделялась среди смертельно бледных женщин в черных платьях. И только Вэдеро обратила на себя внимание Майи.

Эрцгерцогиня Вэдеро Драджин была высокой женщиной, на два дюйма выше Майи, с широкими плечами, широкими бедрами, но, несмотря на это, она держалась с большим достоинством. У нее были прямые белые шелковистые волосы и серые глаза, как у всех эльфов из рода Драджада. Крупные черты лица отнюдь не портили ее, наоборот, делали ее более привлекательной. Она была одета без всякого кокетства и не сочла нужным скрывать следы слез. Из-за этого она понравилась Майе еще больше. Однако, перехватив ее взгляд, он понял, что сам он ей не нравится. И что ей совершенно безразлично, какое впечатление она производит на него.

Родственники дали положенные клятвы, и Майя испытал небольшое облегчение. Конечно, это была чистая формальность, но все же лучше было получить хотя бы формальное обещание не идти против императора, чем не получить вообще никаких обещаний. Ему показалось, что четырнадцатилетний Идра, новый принц Унтэйлейанского Двора и наследник Майи, говорил искренне, и Майя осмелился улыбнуться ему. Идра не улыбнулся в ответ, но его лицо просветлело, и глаза заблестели. Его сестры, Ино и Мире'ан, были слишком юными и не вполне понимали смысл ритуала, но

они уверенно и без колебаний вложили свои маленькие ручки в руки Майи.

Со взрослыми женщинами все было иначе. Немри'ан, Ксору и Шеве'ан даже не пытались скрыть пренебрежительное отношение к новому императору, Стэно явно боялась его. Лицо Вэдеро было непроницаемым, как маска, и он не мог разгадать ее мыслей. Арбелан словно бы забавляло происходящее. Возможно, подумал Майя, она посмеивалась не столько над Майей, сколько над Ксору, недовольной вторжением в ее владения.

Чавар последним приносил личную клятву верности новому императору; до этого момента он выполнял функцию представителя погибших. Сунув Майе широкие горячие ладони, он пробормотал положенную формулу с таким видом, словно не испытывал уважения к древним клятвам и не вкладывал в них никакого смысла.

«Мы с вами это еще обсудим», – подумал Майя, зная, что сейчас не время и не место говорить такое лорд-канцлеру. Он хмуро наблюдал за тем, как Чавар организует процессию перед отправлением в Унтэйлейанский Двор. За Майей и его ноэчарей, Первыми и Вторыми, шли принцы, Свидетели, отпрыски Варенечибея и другие члены семьи Драджада; далее следовали капитан Унтэйлейанской Гвардии и Адремаза, а возглавил процессию Чавар.

«Мне это не нравится, – думал Майя, шагая по коридорам в окружении четырех телохранителей. – Создается впечат-

ление, будто император следует указаниям лорд-канцлера. Я не подчиняюсь ему и не намерен подчиняться». Он понимал, что на самом деле Чавар играет роль императора, который ведет своего наследника к короне и престолу...

«Ну и что, тенью отца я тоже не собираюсь становиться», – сказал он себе, пряча улыбку.

Процессия аристократов медленно двигалась по залам и галереям Унтэйлейанского Двора. Придворные уже собрались в Унтэйлейане – так назывался тронный зал эльфийского императора. Слуги и секретари выстроились вдоль стен коридоров, а когда придворные вышли во внутренний двор, доступный для публики, оказалось, что огромная площадь забита народом. Жители Кето, пригородов и близлежащих деревень пришли сюда в надежде хотя бы одним глазком взглянуть на нового императора.

Сильно похолодало. Сначала Майя подумал, что белые точки перед глазами означают скорый обморок, но потом понял, что это снежинки. Он вытянул шею и прошептал на ухо Телимеджу:

– По-моему, для снега еще рано.

Телохранитель так же шепотом ответил:

– Да, ваша светлость.

Они снова вошли в здание и приблизились к дверям Унтэйлейана. Наступила полночь.

Унтэйлейан представлял собою длинный зал с высокими окнами, украшенными великолепными витражами. Сейчас,

в полумраке, витражи нельзя было рассмотреть, и Майя видел лишь тусклые цветные пятна. Придворные выстроились рядами вдоль стен; все они были в полном придворном трауре, на бледных лицах поблескивали светлые глаза. Майе пришлось на ум неприятное сравнение со стаей волков. Казалось, они вот-вот набросятся на него и растерзают в клочья. Но они лишь смотрели.

Он заметил среди моря белых лиц два темных пятна и догадался, что это посол Горнемед – его так называемый родственник – с супругой. Он не мог повернуть голову, чтобы рассмотреть их как следует, но ему стало немного спокойнее при мысли о том, что они присутствуют на коронации. Не потому, что он доверял послу, и не потому, что в его жилах тоже текла кровь гоблинов. Просто Майя сейчас отчаянно нуждался в напоминании о том, что за пределами Унтэйлей-анского Двора существует другой, большой мир. Он уверенно шагнул вперед, и принцы, принцессы, Свидетели, Адремаза и капитан тоже прошли на свои места. Архиепископ ждал Майю на возвышении перед массивным тронном из слоновой кости. В руках он держал императорскую корону – Этувераджид Мура. Ноэчарей остановились подле двух высоких светильников, установленных по обе стороны от возвышения, и Майя последние десять футов прошел один. Он вдруг забыл о том, что он – император, и снова почувствовал себя неуклюжим костлявым восемнадцатилетним юношей с серой кожей, который не годится в наследники Варенечибе-

лю.

Поднявшись на пять ступеней, он поклонился архиепископу. Священнослужитель ответил на поклон. Майя не мог видеть его лица из-за маски, но ему показалось, что архиепископ смотрит на него благожелательно. Он задал несколько формальных вопросов, и Майя ответил, поклявшись, что говорит правду.

– Преклоните колени в последний раз, Эдрехасивар Драджар, – провозгласил архиепископ, повысив голос, – и примите корону Эльфийских Земель!

Майя опустил на колени. Этувераджид Мура, старинная серебряная диадема, украшенная опалами, оказалась очень тяжелой. Он поднялся, стараясь не показывать, что у него подгибаются колени, и повернулся лицом к залу.

Придворные одновременно поклонились – как обычно, с большим изяществом. Некоторые женщины присели, и ему захотелось увидеть их лица. Судя по тому, что они предпочли поклону реверанс, они недолюбливали Ксору Джасанай, и он желал узнать их поближе. Но лица присутствующих сливались в безликую массу, и первые полчаса царствования Эдрехасивар VII потратил на то, чтобы постараться не упасть в обморок.

Потом ноэчарей окружили его, и он уже более коротким путем вернулся в Алкетмерет. Камердинеры настояли на том, чтобы он поел немного супа, и лишь после этого позволили ему лечь.

Майя лежал на гигантской кровати императоров Эльфийских Земель, глядя вверх, на полог, скрытый во мраке. Он знал, что ткань расшита изображениями кошек клана Дранджада, хотя и не мог различить их. Он знал, что Кала тихо сидит в углу и охраняет его. Он смертельно устал, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и все же сон почему-то не шел к нему. Он пытался уснуть, но события прошедшего дня проносились перед его мысленным взором, и он вынужден был открывать глаза, чтобы прогнать их. Он попытался вернуть спокойствие, обретенное в подземной часовне, но оно ускользало от него.

Так он лежал и смотрел в темноту, и когда он, наконец, погрузился в сон, то даже не понял этого, потому что сны были такими же мрачными и безмолвными, как его спальня.

Глава 9

Отчет о расследовании крушения «Мудрости Чохаро»

Наутро, выглянув в окно, Майя увидел, что крыши зданий Унтэйлейанского Двора запорошены снегом.

– Снег в этом году выпал очень рано, – чопорно заметил Эша, перехватив взгляд Майи.

Став в полноправным императором, Майя уже не мог проводить свои дни в безопасности за стенами Алкетмерета, к которому успел привыкнуть. Ксевет заверил его, что Унтэйлейаном ему придется пользоваться только во время самых важных официальных приемов, и объяснил, что император дает аудиенции в Мичен'тэйлейане. Также Ксевет твердо сказал, что, несмотря на предстоящие похороны Варенчибея IV, новый император обязан сегодня же принять всех желающих.

– Работа правительства приостановлена, – сказал секретарь. Как всегда безупречно одетый, с совершенно прямой спиной, он сидел за столом напротив Майи. – Ее нужно возобновить, ваша светлость, и сделать это можете только вы.

– А как же иначе, – пробормотал Майя себе под нос.

– Ваша светлость?

– Нет, ничего. И кому же мы должны сегодня дать ауди-

енцию?

Вопрос оказался больше похожим на рычание, чем на цивилизованную речь. Ксевет отпрянул, прижав уши к голове.

– Ваша светлость, мы не хотели вас расстроить. Мы стремимся помочь вам.

Майя со стуком поставил чашку, так что часть питья выплеснулась на блюдце. Лицо горело от стыда.

– Просим нас извинить, – сказал он. – Мы говорили грубо и напрасно выместили на вас дурное настроение. Нам не следовало этого делать. Не следовало пренебрегать вашей помощью, за которую мы вам поистине благодарны. Простите нас.

– Ваша светлость, – неловко пробормотал Ксевет, – вам нельзя так говорить с нами.

– Почему нельзя?

Ксевет открыл рот и тут же снова закрыл. Потом очень осторожно поставил чашку на блюдце, встал со стула и с присущей ему грацией распростерся на полу перед Майей. Ишейан в тревоге наблюдала за ним.

Через несколько секунд Ксевет поднялся. Ни его прическа, ни одежда ничуть не пострадали, он был элегантен, как всегда.

– Император Эльфийских Земель не извиняется перед своим секретарем. Вы совершили то, чего никогда не делает император, и мы благодарим вас за это. – Он улыбнулся, и от этой теплой искренней улыбки его лицо внезапно стало

живым, как у простолюдина. Он вернулся на свое место за столом и ровным голосом добавил: – Ваша светлость.

Ишейан молча поставила перед Майей чистое блюдо. Он взял чашку и отпил несколько глотков ромашкового настоя, чувствуя, как напиток прогоняет сон. Потом заговорил:

– Кто просил у нас аудиенции сегодня утром?

– Ваша светлость, прежде всего вам необходимо выслушать Свидетелей «Мудрости Чохаро» – членов специальной комиссии, которая занималась расследованием обстоятельств гибели корабля.

Майя почувствовал озноб. Он, на сей раз очень медленно, поставил чашку и взял сдобную лепешку, намазанную маслом – ее нельзя было ни разлить, ни разбить.

– Когда они желают меня видеть?

– Они просили принять их как можно раньше. Разумеется, если это удобно вашей светлости.

– Ах, вот как.

Он откусил кусочек лепешки, прожевал, не чувствуя вкуса, проглотил.

– Тогда, разумеется, мы примем их первыми.

Ксевет взглянул на стенные часы.

– В девять часов, – предложил он, и Майя уловил просительные нотки в его голосе.

– Хорошо, – ответил он.

– Ваша светлость, мы напишем ответ, в котором сообщим вашу волю. А пока, возможно, вы захотите взглянуть

на письмо Сетериса Нелара.

Подчеркнуто нейтральный тон Ксевета говорил о том, что он прекрасно понимает чувства Майи, которому меньше всего на свете хотелось читать это письмо. Но он взял протянутый конверт.

Майя увидел знакомый почерк, и у него перехватило дыхание, как после пощечин Сетериса, которые он слишком хорошо помнил. Он снова взял с тарелки лепешку, стараясь оттянуть момент, когда надо будет вскрывать и читать письмо, и заставил себя ее съесть. Он даже заметил, какая она вкусная, хотя ему стоило огромного труда проглотить завтрак – так пересохло в горле.

Дальше тянуть было нельзя. С тяжелым сердцем он вскрыл конверт и испытал детскую мстительную радость от того, что запачкал бумагу маслом.

*Его светлости императору Эдрехасивару VII,
приветствуем Вас.*

Мы – а также наша супруга, которая просит передать, чтобы Вы не забывали ее – чрезвычайно обеспокоены вопросом, какую должность Ваша светлость намерены предоставить нам теперь, после того, как Вы покинули поместье Эдономи. Мы смеем надеяться на то, что наше изгнание окончено, за что мы выражаем глубокую и искреннюю благодарность Вашей светлости.

Уверяем Вашу светлость в нашей готовности верно служить Вам на любом поприще.

*Еще раз примите уверения в абсолютной преданности и родственной любви,
Сетерис Нелар.*

Майя не сомневался, что письмо сочинила Хесеро. Он знал, как Сетерис подбирает слова, знал ход его мыслей. Да, письмо было написано его почерком, но выражения и чувства, в которых он уверял Майю, были ему несвойственны. Он представил, как Хесеро стоит рядом с письменным столом и внимательно наблюдает за Сетерисом, чтобы увериться в том, что он правильно пишет под ее диктовку.

Письмо написала Хесеро, но как ему, Майе, следовало ответить на него? Письмо содержало не только просьбу о должности, но и мольбу о доверии. Естественно, он не желал видеть Сетериса во дворце. Он мог бы утолить жажду мести, отказав бывшему опекуну, но понимал, что этот отказ породит слухи, которых он больше всего желал избежать.

Ксевет закончил писать письмо, адресованное Свидетелям «Мудрости Чохаро», и, позвонив, вручил его пажу. Когда мальчик ушел, Майя сказал:

– Ксевет, нам нужно поговорить.

Краем глаза он заметил, что телохранители и служанка напряглись. Ему не удалось говорить бесстрастным тоном, скрыть неуверенность. Он сказал себе, что рано или поздно придется провести этот эксперимент, так почему бы не сейчас? И добавил:

– Наедине.

Телимедж и Даджис в ужасе переглянулись, и Телимедж пролепетал:

– Ваша светлость, мы не можем...

– Почему? – возмутился Майя. – Вы опасаетесь, что на меня здесь нападут? Кто?

– Ваша светлость, дело в том, что мы дали клятву. Мы поклялись охранять вас! А также поклялись хранить молчание обо всем, что мы можем увидеть и услышать. Мы вас не выдадим.

«На самом деле, – подумал Майя, – я боюсь вовсе не этого. Я боюсь, что сам выдам себя, но не хотел бы, чтобы это произошло в вашем присутствии». Он попытался сопротивляться:

– Почему нельзя охранять нас, находясь с другой стороны двери?

– Ваша светлость... – с несчастным видом прошептал воин, прижав уши к голове.

– А если мы вам прикажем?

– Ваша светлость, – с поклоном возразил Даджис. – Если вы погибнете в наше отсутствие, это произойдет по нашей вине. Знайте, что мы убьем себя рядом с вашим бездыханным телом. Неужели вы этого хотите?

Майю охватило чувство безысходности и бессилия, на сердце стало тяжело. Но если ради того, чтобы настоять на своем, придется предать своих телохранителей, тогда ему не нужна такая победа, решил он.

– Нет, конечно, мы этого не хотим, – раздраженно ответил Майя. – Ишейан, оставьте нас, пожалуйста.

– Да, ваша светлость, – покорно ответила девушка и вышла.

Майя оглядел троих мужчин. Ему хотелось, чтобы на их месте были Бешелар и Кала – они уже видели его в неловких ситуациях.

– Тогда знайте, – заговорил он, пристально рассматривая скатерть, – что в течение последних десяти лет, со дня смерти нашей матушки, Сетерис Нелар являлся нашим опекуном и он... – Майя не смог сказать правду и дрожащим голосом пробормотал: – Мы не испытываем к нему любви.

Некоторое время секретарь и телохранители недоуменно молчали, потом Телимедж нарушил тишину:

– Вы не обязаны любить его, ваша светлость. Он не является вашим близким родственником, и...

– Нет! Мы имели в виду... – Он смолк и стиснул руки, лежавшие на коленях. – Откровенно говоря, я его просто ненавижу и не желаю больше ни видеть его, ни слышать о нем. Никогда!

Он поднял голову. Телимедж и Даджис были потрясены. Ксевет, который, в отличие от них, провел в Эдономи несколько часов, позволил себе многозначительный взгляд. И ответил:

– Мы понимаем, что эти слова стоили вам немалых усилий, ваша светлость. Каковы будут ваши пожелания?

– Наши пожелания – дать ему какую-нибудь должность, которая позволит ему жить в почете и благополучии... Но только чтобы у нас не возникало при этом необходимости принимать его или читать его назойливые письма.

– Ваша светлость, – очень мягко произнес Ксевет, – если вы хотите избавиться от этого господина раз и навсегда, вам нужно просто сказать об этом.

– Нет, мы имели в виду вовсе не это. Он не сделал ничего дурного.

Воспоминания о тысяче мелких жестоких поступков опровергали его слова. Увы, никто, кроме Майи, не считал бы их несправедливыми, а кроме того, нехорошо было ворошить прошлое и пережевывать старые обиды просто потому, что он стал императором.

– Мы не желаем ему зла. Мы просто хотим, чтобы он оставил нас в покое.

– Ваша светлость, мы подумаем, что можно сделать. – Ксевет помолчал и добавил очень неохотно, как будто опасаясь, что эти слова навлекут на него немилость: – Возможно, вам известно, что такие вопросы находятся в ведении лорд-канцлера.

– Тогда поручите это дело ему. Нам все равно, лишь бы с этим было покончено.

– Да, ваша светлость, – почтительно ответил Ксевет. Взглянув на часы, он напомнил: – Скоро девять.

– Значит, надо идти, – сказал Майя, желая поскорее завер-

шить этот неприятный разговор. — Мы благодарим вас всех.
— Ваша светлость, — поклонились придворные, и Телимедж распахнул перед ним двери.

Майя боялся, что Мичен'тэйлейан, малый приемный зал, окажется уменьшенной копией Унтэйлейана, но, к счастью, это оказалось не так. На его взгляд, он был излишне роскошно отделан — золото и слоновая кость подчеркивали темный цвет кожи Майи. Однако зал был обставлен удобной мебелью: здесь стоял длинный стол и массивные мягкие кресла, здесь было тепло, и в целом, это была вполне подходящая комната для деловых встреч.

Когда Майя и его сопровождающие вошли в приемную, их уже ждали следователи — двое мужчин и женщина, одетые небогато, но достойно; у всех на шее висели ключи ученых. В отличие от прелатов и маз, ученые не давали обетов бедности, но среди них редко можно было встретить богача. Сетерис говорил, это потому, что они все глупцы, но Майя, глядя в усталые осунувшиеся лица Свидетелей, не увидел никаких признаков глупости.

Они успели лишь назвать свои имена — Пелар, Айджевет, Севесар — все они были учеными второго ранга, когда прибыл задыхающийся от быстрой ходьбы, негодующий Чавар в сопровождении множества секретарей. Майя был вынужден довольно долго ждать, пока Чавар устраивался в кресле и рассылал секретарей с бесполезными поручениями, чтобы продемонстрировать свою значимость. Майя подумал о том,

вел ли себя лорд-канцлер так же при Варенечибеле, и усомнился в этом. В конце концов, лорд-канцлер объявил, что он готов, и Майя кивком разрешил меру Севесару, старшему из ученых, начинать.

Мер Севесар не стал тратить времени даром. Он поднялся, поклонился императору и лорд-канцлеру и объявил:

– Ваша светлость, причиной катастрофы «Мудрости Чохаро» явилась диверсия.

– Абсурд! – воскликнул Чавар, но Майя поднял руку, приказывая ему молчать.

– Как вы это выяснили? – обратился он к Севесару. – И каким образом преступники подстроили крушение?

Ответ был пространным и полным сложных терминов, но Майя уловил суть. Свидетели, изучая останки корабля, обнаружили обугленные и частично расплавленные фрагменты предмета, который, как подчеркнул Севесар, не являлся частью конструкции эльфийских воздушных кораблей. Он назвал этот предмет *зажигательным устройством*. Майя и Чавар слышали такое название впервые и не вполне поняли, что оно означает. После продолжительных и бесполезных объяснений, которые лишь запутали присутствующих, мин Айджевет внезапно заговорила довольно нетерпеливым тоном:

– Когда оно сработало, водород воспламенился.

– Милосердные богини, – прошептал кто-то.

– Случайность исключена? – быстро спросил Чавар, оста-

вив свой обычный презрительный тон.

– Абсолютно исключена, – заявил Севесар и поклонился Майе. – Ваша светлость, нам очень жаль, но мы решили, что вы должны узнать об этом как можно скорее.

– Вы были правы, – успокоил его Майя. Он ничего не чувствовал кроме странного озноба. Эмоции, которые должны были возникнуть у него после заявления ученого, отсутствовали, и это его пугало. Ему потребовалось собрать все силы для того, чтобы ответить достойно. – Ваши старания и ваша преданность делу заслуживают похвалы. Мы благодарны вам за то, что вы нашли истину.

– Пока мы нашли лишь малую часть истины, ваша светлость, – возразил Севесар. – Мы не знаем, кто это сделал и зачем. Нам известно лишь, что совершено преступление.

– Конечно, – согласился Майя. – Но поиск ответов на эти вопросы не входит в вашу компетенцию. Вашей задачей было расследование причин гибели «Мудрости Чохаро», и вы выполнили свою работу с честью и усердием.

– Ваша светлость, – попрощались ученые и откланялись. Ему показалось, что они были рады завершить свою миссию и уйти, и он их хорошо понимал. Должно быть, они думали, что их будут в чем-то обвинять или заставят отвечать на вопросы, ответов на которые у них не было. Ему хотелось лишь одного: уйти из этой комнаты вместе с ними, но это была недостойная мысль. Когда Свидетели вышли, в малом приемном зале наступила тишина, тяжелая, как бархатный гро-

бовой покров. Придворные старательно избегали смотреть друг другу в глаза.

Майя заговорил первым.

– Что нам теперь следует делать?

И вспомнил нетрезвого Сетериса, открывшего ему дверь своей спальни в Эдономи. Но сейчас он использовал множественное число не только потому, что так полагалось императору, но и потому, что такое решение он не мог и не должен был принимать единолично. Он вопросительно взглянул на лорд-канцлера.

Чавар раздраженно нахмурился, что отнюдь не утешило Майю.

– Мы должны выяснить, кто совершил это гнусное преступление.

– Разумеется, – согласился Майя. – Но как?

Чавар хотел что-то сказать, но запнулся; видимо, у него закончился запас напыщенных фраз. Майя обвел взглядом толпу незнакомых секретарей и продолжил:

– Мы не знаем, с чего начинать расследование такого преступления. Нам известно, что в случае убийства следует обратиться к судье, чтобы он назначил Свидетеля Мертвых, но какой судья ведает этим случаем? Судья того округа, где произошло крушение? Или того города, из которого отправился в путь воздушный корабль? Или города, который являлся местом назначения?

Это был отнюдь не праздный вопрос. Из уроков Сетериса

и газетных статей Майя знал, что судьи ревностно охраняют свои территории и права. Сейчас речь шла о расследовании убийства императора, поэтому правительству предстояло сделать нелегкий выбор. Майя понимал, что судьи, которых он обойдет, будут смертельно обижены, и что Верховный Суд, вне всяких сомнений, оскорбится заодно с ними.

Чавар заговорил:

– Но как быть, если во время расследования понадобится, так сказать, вторгнуться на территорию, находящуюся под юрисдикцией другого судьи? Такое время от времени случалось – например, помню дело матроса с баржи, обвиненного в воровстве. Ничего хорошего из этого не вышло. По этому поводу даже сочиняли *сатиры*... – Он произнес слово «сатиры» таким тоном, каким обычно говорят «тараканы». – ... Нам хотелось бы надеяться, что с тех пор положение дел изменилось к лучшему, но, увы, это не так.

– Мы не желаем, чтобы имя нашего отца упоминалось в сатирах, – твердо сказал Майя.

Взгляд Чавара выразил нечто, отдаленно напоминавшее одобрение.

– Возможно... – неуверенно начал Ксевет.

Чавар сердито прищурился, но Майя подбодрил секретаря жестом, и Ксевет продолжил:

– Возможно, решение заключается в том, что не следует пытаться выбрать одного Свидетеля Мертвых. В конце концов, Варенчибель был императором всех Эльфийских Зе-

мель.

Как только Чавар понял, что имеет в виду Ксевет, он моментально сменил гнев на милость. Майя в изумлении и немалой тревоге смотрел на то, как предложение Ксевета повторили, обсудили и преобразовали в нечто чудовищное. Чавар тут же приступил к созданию нового комитета, включавшего всех самых высокопоставленных Свидетелей Верховного Суда. Он разослал секретарей с приказами организовать для Свидетелей осмотр тел императора и его сыновей до начала похорон. Майя собрался с силами и напомнил, что тела членов экипажа и слуг Варенечибея уже преданы земле, но Чавар небрежно ответил:

– Предоставьте это Свидетелям, ваша светлость.

И покинул зал вместе со своей свитой, на ходу раздавая приказы и громогласно требуя информацию.

В зале Мичен'тэйлейан остались лишь Майя, Ксевет и два молчаливых телохранителя. Итак, Чавар, ни с кем не посоветовавшись, назначил себя руководителем расследования и присвоил себе право проводить его так, как он считает нужным. Императору оставалось лишь выпрашивать информацию – или вообще положиться целиком на лорд-канцлера, который наверняка ожидал и желал именно этого.

Майя спросил:

– Таково было ваше намерение?

Ксевет, приводивший в порядок разбросанные по столу документы, замер, и его белые пальцы без колец скомкали

попавшуюся под руку бумагу.

– Ваша светлость?

– Вы много лет работали на лорда Чавара. Вы уже демонстрировали нам, что умеете... управляться с ним. Вы подали ему эту мысль потому, что хотели видеть его руководителем расследования? Вы ведь знали, что в итоге так и произойдет?

– Ваша светлость, – начал Ксевет и положил бумаги на стол так осторожно, словно они были стеклянными. – Верно, мы знали, что лорд Чавар одобрит любое предложение, которое поможет сделать расследование более масштабным и более... – Он нерешительно смолк, но Майя взглядом приказал ему говорить откровенно. И секретарь решился продолжить:

– ...публичным. Но мы не ожидали, что его так захватит эта идея. Возможно, она каким-то образом отвечает собственным планам лорд-канцлера. Мы знаем, что у него имеются разногласия со Свидетелем, в чьем ведении находится Верховный Суд. Возможно, он увидел способ извлечь какую-то личную выгоду из происшедшего.

– Возможно, – согласился Майя. – Как вы считаете, расследование завершится успешно?

– Мы уверены в том, что Свидетели сделают все возможное. Поверьте, лорд Чавар искренне желает отыскать убийцу.

– Понятно, – угрюмо буркнул Майя.

– Ваша светлость?

Майя не знал, как облечь в слова одолевавшую его смут-

ную тревогу. Не исключено, что он не столько подозревал Чавара в двуличии, сколько сердился на то, что его, Майю, отодвинули в сторону. Но сегодня он уже успел задеть чувства Ксевета. Так что Майя лишь покачал головой и хотел просто спросить о дальнейших планах на день. Но Ксевет, внимательно наблюдавший за ним все это время, продолжил разговор:

– Не хотелось бы, чтобы Чавар ограничился Свидетелями из числа судей.

– Что вы имеете в виду?

– Как наверняка известно вашей светлости, – объяснил Ксевет, прекрасно зная, что Майя слышит это впервые, – всегда существовало два класса Свидетелей – юристы и клирики. В последнее время считается немодным призывать Свидетелей из числа священников, так же, как немодно верить в то, что боги могут даровать своим служителям магические способности.

– Значит, вы предлагаете обратиться к кому-нибудь из священнослужителей с просьбой стать Свидетелем Мертвых? Но как нам найти кандидата на эту роль?

«Без ведома Чавара», – добавил он про себя.

– На самом деле, – откашлявшись, ответил Ксевет, – есть один священник, Свидетель Мертвых – кстати, прелат Улиса, но без бенефиция. По счастливому совпадению, он сейчас находится при дворе.

– Но как случилось, что он оказался здесь? – поинтересо-

вался Майя.

– Подробности нам неизвестны, – сказал Ксеев. – Мы знаем лишь, что он сложил с себя сан, какое-то время путешествовал, потом осел в столице.

Майя чувствовал, что Ксеев чего-то не договаривает, и продолжал расспрашивать:

– Но почему именно при дворе?

– Потому что ему покровительствует родственница, – объяснил Ксеев, всем своим видом давая понять, что ему очень не хочется говорить. – Вдовствующая императрица.

Глава 10

Свидетель мертвых

Майя поручил Ксевету передать Сетерису, что аудиенции придется подождать до завтра. При этом он почти не испытывал угрызений совести – скорее, облегчение. Остаток дня он посвятил срочным делам, оставшимся незавершенными после смерти отца. Дел было много, все они были утомительными и практически недоступными пониманию непосвященного. Прежде чем так или иначе решить очередной вопрос, Майе приходилось выслушивать бесконечные объяснения секретаря, от которых у него путались мысли. Лишь после наступления ранних зимних сумерек он смог выкроить время для того, чтобы встретиться со Свидетелем Мертвых.

Он отпустил секретарей, которые весь день сновали вокруг него, как рой гудящих пчел. В полутемном Мичен'тэйлейане остались император, его ноэчарей, секретарь и Тара Келехар.

Бывший священник оказался довольно молодым – лет на десять старше императрицы, своей покровительницы. Майя никогда не видел ни эльфа, ни гоблина, который выглядел бы настолько нездоровым и усталым. Келехар был худощавым и тонкокостным, как Ксору, а на костях было так мало плоти, что Майя мог бы пересчитать все суставы на его кистях и за-

пьястях. Ярко-синие глаза были обведены темными кругами от болезни или бессонницы. Келехар отрезал длинную косу, обязательную для прелатов, и молочно-белые локоны едва прикрывали уши. Облачения священника он тоже не носил и был одет в простой строгий траур. Майя, заметив потертости на рукавах камзола и бахрому на отворотах штанов, подумал, что покровительство вдовствующей императрицы имеет довольно узкие рамки.

– Ваша светлость, – пробормотал Келехар, кланяясь. У него был грубый хриплый голос, неожиданный для худощавого мужчины с утонченной внешностью придворного.

– Надо полагать, вам сообщили, какой вопрос мы желаем обсудить с вами, – неуверенно начал Майя. Пристальный взгляд Келехара почему-то нервировал его.

– Ваша светлость, – эльф снова поклонился.

– Ответьте «да» или «нет», мер Келехар.

– Да, ваша светлость.

Майя ждал. Келехар молчал.

– И? – наконец, не выдержал Майя.

На лице Келехара отразилось недоумение.

Майя продолжил:

– Так вы согласны приступить к обязанностям нашего частного Свидетеля Мертвых?

– Простите, ваша светлость, – с очередным поклоном ответил Келехар. – Мы не знали, что у нас есть выбор.

Ответ граничил с дерзостью, что не укрылось от присут-

ствующих. Даджис и Телимедж ошетинились, Ксевет очень осторожно положил ручку на стол. Но тон бывшего священника не выражал ничего, кроме крайней усталости.

Майя мягко возразил:

– Мер Келехар, вы вольны отклонить нашу просьбу.

Наверное, Келехар удивился бы меньше, если бы Майя сейчас приказал Телимеджу проткнуть его, Келехара, мечом. Глаза прелата на мгновение округлились. Потом хорошее воспитание взяло верх, и он взглянул на императора почти спокойно.

– Ваша светлость необычайно добры. Благодарим вас.

– Мы предпочли бы благодарностям определенный ответ, мер Келехар.

– Ваша светлость, – сказал Келехар и уже в который раз низко поклонился. По мнению Майи, это делалось для того, чтобы скрыть выражение лица, а не для того, чтобы выразить уважение к императору. – Мы сочтем за честь расследовать гибель ваших близких.

– Спасибо. – Майя подождал, когда Келехар выпрямится, и продолжил:

– Мы незнакомы с деталями вашей работы. Скажите, что вам нужно.

– Ваша светлость... – Келехар неуверенно смолк. – Нам нужно... нам нужно увидеть тела и прикоснуться к ним. Кроме того, нам бы очень помогло, если бы при этом присутствовал кто-то из ближайших родственников, чья кровь вызывает

к отмищению.

Майя понимал сомнения Келехара. Он и сам сомневался в себе. Нет, он не горевал по отцу. Но его приводила в ужас жестокость преступников и несправедливость преждевременной смерти пассажиров корабля. Кроме того, он боялся, что убийца – или убийцы – рано или поздно совершат новое преступление. И он сказал:

– Мы будем сопровождать вас. Но мы должны отправиться немедленно. Похороны начнутся после заката.

– Ваша светлость, уверяем вас, – с едва уловимой насмешкой в голосе ответил Келехар, – у нас не было других планов на вечер.

Как он и думал, ноэчарей выступили против этой идеи. Майя улыбнулся им и заметил:

– Судя по всему, ваша основная обязанность заключается в том, чтобы мешать нам выполнять наш долг. Мы весьма сожалеем об этом.

Бешелара едва не хватил удар, смущенные и растерянные Телимедж и Даджис подчинились. Майя знал, что Кала, в отличие от них, не стал бы даже пытаться отговорить его.

До начала похорон оставалось всего два часа, и храм Унт-эйленейзе'мейре был полон священнослужителей в облачениях самых разных цветов: здесь были черные, зеленые, коричневые, серые рясы и даже оранжевые одежды служителей бога Анмуры. Когда Майя в сопровождении секретаря, телохранителей и Келехара вошел в храм, пять прелатов Улиса,

закутанных в вуали, почтительно поклонились ему. Они разбирали гору искусственных роз, и яркие цветные пятна показались Майе неуместными на фоне черных одежд. Прелаты освобождали место для гроба императора, который должен был находиться в храме до тех пор, пока не возведут саркофаг. Все это время каноникам храма предстояло стеречь гроб и читать над ним молитвы. Четверых телохранителей Варенечибея уже кремировали, а их останки были помещены в урны, инкрустированные золотом. Урны стояли на специальных подставках по углам гроба: пепел Первых Ноэчарей поместили у головы (воин – справа, маза – слева). А прах Вторых Ноэчарей стоял в ногах (маза – справа, воин – слева). Они охраняли императора и после смерти. Охраняли так же, как при жизни, от всего и всех – до той минуты, пока не сработала та дьявольская штука – *зажигательное устройство*.

Тела императора Варенечибея IV и троих его сыновей лежали под куполом храма. В закрытых гробах. Прежде Майя не задумывался о том, что трупы погибших при крушении «Мудрости Чохаро» могут быть изуродованы. Он почувствовал себя глупым и неопытным. И ему стало дурно. Его охватило непреодолимое желание отвернуться и бежать из храма. И в этот момент он заметил, что Келехар вступил в ожесточенный спор со старшим каноником, причем ему показалось, что каноник вот-вот одержит верх. Почти сразу же после того, как они вошли в храм, Майя позволил Телимеджу, Даджису и Ксевету отвести себя в укромное место,

подальше от суеты, но сейчас он выступил вперед и заговорил:

– Мер Келехар? Что-то не так?

Свидетель и каноник невольно отпрянули, и Майе при виде такой реакции стало одновременно смешно и грустно.

Келехар, опустив глаза, ответил:

– Ваша светлость, каноник Орсева как раз объяснял нам, что он уже позволил нескольким Свидетелям Мертвых осмотреть останки, из-за чего подготовка к церемонии сильно затянулась, и теперь начало церемонии придется перенести. Каноник Орсева опасается, что на наш осмотр не хватит времени, а кроме того, не видит в нем смысла.

Каноник Орсева, судя по выражению его лица, был не слишком доволен, услышав такую интерпретацию своих слов, но не стал возражать Келехару. По правде говоря, сам Майя не видел особого смысла в осмотре; он был уверен лишь в одном: в том, что нельзя слепо доверять Чавару.

Пока он пытался придумать ответ, который сочетал бы часть правды и благопристойную ложь, Ксевет откашлялся и объявил неожиданно громко и решительно:

– Император желает провести несколько минут наедине с телами своих родных.

Эти слова возымели магическое действие: храм мгновенно опустел. Осталась лишь одна, самая упрямая девушка из числа священнослужителей. Она опустила уши и прижала их к голове, но застыла у дверей, отказываясь покидать свой

пост.

– Ксевет! – потрясенно прошипел Майя.

Ксевет улыбнулся. Он совершенно не раскаивался в своем поступке.

– Вы же *император*, ваша светлость. Каноник Орсева не может диктовать вам свою волю.

Келехар заметил:

– Каноник Торчеледжен охотно поможет нам.

И Майя заставил себя улыбнуться девушке. Улыбка вышла натянутой, и Келехар, удивив Майю своей проницательностью, сказал:

– Вам не обязательно смотреть, ваша светлость. Вы можете оставаться здесь.

Действительно, Майе не хотелось смотреть на тела, он не желал даже приближаться к четырем лакированным черным гробам. Но что-то – чувство долга, или, может быть, чувство вины – заставило его сдвинуться с места. Когда Келехар и каноник подняли крышку гроба Варенечибея, Майя стоял рядом с ними.

Было видно, что служители Улиса, которые готовили тело к похоронам, старались изо всех сил: они распрямили руки и ноги, замаскировали увечья льняными и шелковыми одеждами. Но они ничего не смогли сделать с обугленным, неузнаваемым лицом императора, лишь прикрыли его белой кружевной вуалью. Келехар осторожно приподнял вуаль, и Майя был вынужден отвернуться.

Келехар своим хриплым надсадным голосом принялся читать молитву сострадания умершему, а Майя рассматривал белые колонны, и в его душе боролись жалость, отвращение и печаль.

Вскоре Келехар смолк. Майя не стал оборачиваться – он не хотел видеть общения Свидетеля с мертвым – в чем бы оно ни заключалось. Прошло несколько минут, и он услышал, как Келехар и девушка-каноник опустили крышку гроба. Глядя прямо перед собой, он спросил:

– Вам нужно видеть... остальных?

– Ваша светлость, – извиняющимся тоном ответил Келехар. – Вероятно, это поможет нам.

– Хорошо, – сказал Майя, хотя ему не терпелось приказать Келехару оставить тела в покое и отослать его из храма. – Продолжайте.

Он стоял на том же месте, не оборачиваясь, пока Келехар и каноник еще трижды повторяли мрачный ритуал. Он заметил, что сиплый голос Келехара звучал ласково и терпеливо, что он произносил молитву сострадания в четвертый раз так же сосредоточенно и искренне, как в первый. Значит, он отказался от сана не из-за недостатка веры или сомнения в призвании. Майя понимал, что нельзя расспрашивать о причине; у него не было на это никакого права. Но ему, естественно, было интересно, что же случилось.

Наконец, Келехар сказал:

– Ваша светлость, мы закончили.

Майя обернулся. Свидетель Мертвых стоял среди гробов, но выглядел бывший прелат не хуже, чем при первой встрече в Мичен'тэйлейане.

– Что вы намерены делать дальше? – спросил Майя.

– Ваша светлость, у ваших мертвых нет ответов. Перед смертью они испытали страх и смятение и не найдут покоя до тех пор, пока Улис не дарует его. Но ответы можно отыскать и в других местах. Есть другие погибшие.

– Могилы в Улимейре, – кивнул Майя.

– Ваша светлость, если вам будет угодно, мы продолжим завтра.

– Это совпадает с нашими желаниями, мер Келехар. Благодарим вас.

– Ваша светлость, – поклонился Келехар и отошел.

Несмотря на ровный тон, Майе показалось, что бывший священник осуждает его за что-то. Он был на несколько дюймов ниже Майи, но его, видимо, нисколько не смущала необходимость запрокидывать голову, чтобы взглянуть в лицо императору.

– Не благодарите нас, ведь вы не знаете, что мы найдем.

– Не имеет значения, что вы найдете. Мы благодарим вас за то, что вы ищете истину, и за то, что делаете это вопреки своему желанию.

– Нам случалось прежде находить истину, ваша светлость, и это не принесло нам ничего хорошего. Мы бы многое отдали за то, чтобы иные тайны были навеки погребены вместе

с мертвыми, и мы не думаем, что на сей раз будет иначе.

– Это не имеет значения, – повторил Майя. – Мы просим найти ответы не ради нас самих. Вы должны найти их ради...

Он смолк, не зная, как лучше выразиться. Он хотел найти правду о крушении не потому, что на борту «Мудрости Чохаро» погибли его отец и сводные братья. Наконец, он тихо сказал:

– Мы просим вас найти правду ради тех, кто лишился жизни потому, что был рядом с нашим отцом. Ради тех, кто сейчас скорбит потому, что их император упал с неба и умер на земле среди горящих обломков. Ради тех, кто не хотел, чтобы убили их императора. Если ответы не будут найдены, как они могут быть уверены в том, что их императора не убьют снова?

Выражение лица Келехара осталось непроницаемым. Свидетель Мертвых поклонился, пробормотал «ваша светлость», обошел Майю и направился к выходу.

Майя стоял, пристально глядя на гробы, на колонны и саркофаги, потом взглянул на круглое окно в центре купола. Его переполняли эмоции, которые он затруднился бы описать, в горле застряли слова, которые он не мог сказать вслух. Он стоял так, пока нозочарей не подошли и не напомнили о том, что до заката и до начала церемонии погребения осталось совсем немного.

Глава 11

Похороны и поминки

Когда солнце опустилось за алеющий горизонт, он невольно подумал, что в первый и последний раз видел отца на похоронах матери. И вспомнил, как мало уважения император проявил к скончавшейся четвертой супруге, вспомнил одинокую черную ленту на белых императорских одеждах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.